

Ганс Домицлафф

ВРОЖДЕННЫЕ ПОРОКИ ДЕМОКРАТИИ КАК ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ



Исследование психологии масс

Данная публикация представляет собой главу VII «Вариации на тему демократии» основного произведения Ганса Домицлаффа «ДУША ГОСУДАРСТВА – КНИГА ПРАВИЛ ДЛЯ ЭЛИТЫ».

Верным Империи!

Книга «Душа государства – книга правил для элиты» была напечатана в частном порядке в Гамбурге в 1957 году.

Вариации на тему демократии

Во всех дискуссиях о всеобщем благе причиной самых больших трудностей при поиске взаимопонимания всегда являются с трудом поддающиеся определению модные лозунги. На протяжении долгого времени люди так авторитетно говорили о национал-социализме как спасителе, и сомневаться в этом считалось преступлением, достойным наказания. Уже одного только вопроса, что вообще нужно понимать под национал-социализмом, было достаточно для личного подозрения, хотя никому так никогда и не удалось вывести рациональную формулу для этого понятия. Довольствовались лишь заявлением, что истинный национал-социализм, мол, нельзя объяснить словами, а можно только испытать как откровение, если только вы ариец. В конечном счете, все попытки истолкования сводились к основной предпосылке полного фанатичной веры почитания Адольфа Гитлера, так как на самом деле психозы нельзя защитить словами, и поэтому они цепляются за фетиши.

Модное слово «демократия» свидетельствует о схожей подобной психозу подоплеке, так как его тоже нельзя так просто определить. Всеобщее замешательство еще больше усиливается из-за того, что существуют, как представляется, многочисленные варианты, которые отказывают друг другу в праве на применение этого слова. Можно было бы, с другой стороны, с некоторым успехом применить для этого в Германии упрощающее утверждение о том, что демократия – это всего лишь признание соответствующего действительного в настоящее время правительственного воззрения. Такое же утверждение, тем не менее, высказывают также британцы, французы, американцы и русские, хотя они, все четыре, без сомнения, не демонстрируют ни малейшего согласия между собой. Так как они, все четыре, теперь очень беспокоятся о безоговорочном признании своего авторитета в их сферах влияния, использованное ими в их конкуренции между собой слово кажется в идейном отношении в точности столь же безликим, как и такие слова как «фашизм», «коммунизм» и т.д.

Также сегодня в Германии снова опасно задавать вопросы о принципиальных взглядах, так как свобода формирования независимо мыслящего мнения неослабно иллюзорна. Чисто словарный перевод слова «демократия» как «народовластия» непригоден, так как то, что народная масса никогда не может сама править собой, могло бы за последние десятилетия стать в некоторой степени очевидным.

То, что правительство должно служить общему благу народа, если только это благо совпадает с личными интересами обладающих правительственной вла-

стью лиц, издавна, кроме как в сказочных деспотиях, всюду было бесспорным, как в монархиях, так и в так называемых тоталитарных государствах и в республиках. Однако успехи были очень различны, и нельзя опровергнуть то, что управляемые монархами правительства девятнадцатого столетия предоставляли больше возможностей для развития личной творческой энергии, чем современные демократические государства, в которых политическое честолюбие может прятаться за гораздо большими уступками непониманию мнимой общественности.

Если после этого сегодня кто-то указывает на бессмысленность современных правительственных представлений, то он может быть уверен, что его противники постараются оклеветать его с помощью утверждения, что он якобы враг демократии. Такой упрек не только столь же беспредметен, как прежде обвинение в антинационал-социалистическом поведении, но и в той же степени опасен. Так как речь снова идет лишь о распространенном лозунге, то для обвиненного в этом человека совершенно невозможно доказать свою невиновность. Национал-социалисты тоже доказывали, что они допускали любое честное выражение мнения, наверное, неоднократно с такой же убежденностью, как сегодня многие демократии, которые утверждают, что действительно могут интерпретировать волю народа как руководящее правило для жизни в обществе. В политической практике, тем не менее, публичное выражение общественной воли считается, в общем, приемлемым только тогда, когда оно совпадает с официальным мнением, причем всегда с одним и тем же предельно простым обоснованием, что, мол, отклоняющиеся мнения не позволяют никаких других толкований, кроме глупости, нечестности или преступных намерений.

Это не дело верных Империи разбираться с лозунгами, и также нет смысла опровергать утверждение о том, что современное правительство соответствует воле народа, но, все же, необходимо избавиться от умственной инертности и не позволять таким модным лозунгам существовать дольше, чем это согласуется с надеждами на основательную реформу. Революционные протесты никогда не приносят плодов и всегда остаются без долговечной ценности, поэтому не рекомендуется публично бороться со словом «демократия». Вместо этого нужно подвергать объективной критике пагубные попытки воплощения в жизнь утопических идей, как эти попытки совершаются в нынешнее время с якобы демократическими принципами.

1. Демократия должна быть формой народной общности, в которой нет верноподданничества членов и нет какой-либо самоцели государства. Эта идея про-

творечит всем предпосылкам плодотворного сотрудничества и причинам возникновения любой народной общности, а также природе человека.

Имеется в виду добровольное соединение самостоятельно мыслящих и материально независимых людей, для которых идея государства ограничивается достижением цели путем коллективного сотрудничества с конечной целью всемерного удовлетворения частных интересов.

Это кажется вполне разумным, оправданным, или, по крайней мере, практически возможным, но в действительности количество самостоятельно мыслящих людей слишком незначительно, и взаимное переплетение частных интересов в развитой народной общности настолько многообразно, что отдельному человеку остается дозволенной только очень маленькая степень функциональной независимости. По этим причинам в бытии народов снова и снова оказывалось неизбежным с действенной ясностью заставлять людей считаться с государственным интересом, который уклоняется от критики своей полезности со стороны отдельных людей, потому что только таким образом можно гарантировать достаточную связующую силу для жизни коллектива. Склонность к самоцели государства всегда возникает автоматически; так как она соответствует законам природы, и ее никогда нельзя отрицать, а можно только направлять.

2. Государство, которое не позволяет до определенной степени делать самоцель оправданной, приходит к упадку.

В природе все устроено так, что все трезвые соображения целесообразности должны дополняться связывающими отношениями чувствами, если целеустремленность должна приобрести долговременную ценность. Брак, который должен гарантировать существование семьи с помощью размножения, требует для своего укрепления любви между супругами, которая не поддается расчетам. Предприниматель, создающий экономическую империю, должен задействовать при этом также свою душу и при определенных обстоятельствах отказывать себе в кратковременных личных преимуществах, если он надеется вместе с этим получить долгосрочную возможность существования. Поэтому также за государством следует признать право развития по собственным законам, которое выражается в основанных на чувствах обязательствах, выходящих за рамки всех расчетов на достижение каких-либо частных целей.

Конечно, существуют государственные структуры, самоцель которых стала несовременной из-за устарелости или неправильного развития и больше не соответствует точно так же правомерным требованиям полезности со стороны чле-

нов общества, но устранение преувеличенной государственной самоцели никогда не должно приводить к принципиальному отказу от чисто основанного на чувствах национального самосознания. Как только близорукий человеческий разум посчитает только самого себя имеющим право принимать решение об интерпретации государства, всякая сохраняющая государство самоотверженность исчезает, так же как распадается семья, если прекращаются любовь и чувство взаимосвязанности супругов друг с другом.

3. Демократические представления являются идеализацией некоей государственной совместной жизни, которая соответствует представлениям, страстно желанным для весьма достойных уважения филантропов, но которая резко противоречит народному инстинкту.

История учит тому, что нижние слои населения классового государства хоть и могут демонстрировать недовольство, если их пространство для развития невыносимо суживается, но они никогда по собственному почину не выражают желания потребовать для себя доли участия в руководстве государством и не хотят брать власть в свои руки в духе демократии. Скорее происходит как раз наоборот; ибо народные массы всегда готовы послушно и без возражений подчиниться какому-либо вождю, если только они считают, что этот вождь управляет ими правильно. На этой несамостоятельности основываются колебания любых революционных структурных изменений. Так как потребность в верно-подданничестве может использоваться многими демагогическими конкурентами, поэтому каждая социальная революция сопровождается чем-то вроде братоубийственной войны между революционерами.

Демократическая идеализация народной общности – это исключительно выдумка отдельных теоретиков, которые не особо загружены делами в своем частном существовании и кладут в основу своих представлений о человеке некую философски обоснованную этику вместо религиозных или государственно-иерархических понятий добродетели. Они надеются, что смогут поднять всех людей на один и тот же уровень с помощью воспитательно-образовательных программ, благодаря которым они сами, как они верят, смогли, по крайней мере, частично преодолеть свой примитивный эгоизм в пользу альтруизма настоящих филантропов.

Ошибка относительно того, что подавляющая часть их соотечественников поддается воспитанию или также хотя бы только способна мыслить, регулярно приводит к большим разочарованиям. Народный инстинкт всегда отвергает солидарную ответственность за дела управления государством и отклоняет всякие

обязанности умственной самостоятельности. Заурядные люди лучше всего предпочтут предоставить умственную работу тем, кто наиболее назойливо предлагает им свои услуги для этого. Так получается, что хитрые демагоги переделывают идеалистические аргументы морально-философских благодетелей народа в лозунги и злоупотребляют этими лозунгами в безудержной конкуренции за приобретение себе сторонников.

4. За немногими исключениями самостоятельных мыслителей, которые научились сдерживать свои примитивные инстинктивные желания и поэтому стали довольно непригодными также для не знающей никаких правил борьбы за существование, не существует людей, которые могли бы править сами собой и которые могли бы таким образом сделать возможной истинную демократию.

Народовластие означает самоуправление народа, и это самоуправление – утопия. Люди организуются не призывами и увещеваниями, а только настоятельными психически или физически принуждающими обстоятельствами, которые сами люди никогда не в состоянии создавать, а стремятся их устранить или преодолевать. Даже самый идеальный человеческий материал для демократии, который только можно себе представить, предполагает деление на две части – на учителя и ученика, так что уже из этого с невозможностью закончить когда-нибудь время учебы, следует недемократическая иерархическая классификация.

5. Демократическая идея – это сокровенная мечта, в которую идеалистические преобразователи мира и люди со слабыми инстинктами убегают из жестокой действительности.

Человеческая природа требует для своего полного проявления острого чувства неудовлетворенности положением, существующим в соответствующем времени и месте. Мировой порядок позаботился о том, чтобы постоянная череда «аварийных ситуаций» сохраняла свое воздействие с целью сохранения и укрепления жизненных сил. Целевые установки инстинктивной воли происходят из страстно желанных образов возросшего удовлетворения жизнью, которые преимущественно недостижимы практически, но вообще лишь они одни направляют то прогрессивное развитие, которым люди отличаются от почти исключительно остающихся в неизменном виде на своей жизненной ступени животных.

При этом, в общем, только немногие члены народной общности занимаются вопросами руководства, так как подавляющее большинство слишком загружено

личными заботами. Но если правительственные проблемы вмешиваются, тем не менее, в особенно угрожающей степени в частные цели, и это происходит, в первую очередь, при внезапных изменениях привычных отношений и путем принуждения к мыслительным переориентациям, то возникает некий вид недовольства. Для такого недовольства не могут формироваться никакие реальные желанные образы, так как их проблематика в большинстве случаев не поддается силе воображения и выходит за пределы области знаний и опыта отдельных народных масс. Вместо этого какие-то провозглашенные филантропами с правдоподобными общими интересами идеи улучшения всего мира подхватываются почти без критики.

Понятно, что предложения о полной ликвидации вышестоящего правительства, которое в основном ощущается только в виде обременительных налогов, распоряжений полиции и многочисленных ограничений, время от времени представляются безрассудству народных масс – вплоть до неизбежного разочарования – достойными рекомендациями и порождают сокровенную мечту при полной личной свободе регулировать вопросы общественной жизни. Тем не менее, это невозможно хотя бы потому, что отсутствуют все предпосылки компетентности и владения методами использования политических данностей, так что только одной этой причины достаточно для того, чтобы объяснить вечное верноподданничество.

б. Ни одно государство или хотя бы даже народная общность еще никогда не были основаны при помощи демократических идей, и в истории речь всегда шла только о революционных идеях улучшения уже имеющейся общественной структуры.

Как только какая-то государственная форма правления по внутренним или внешним причинам становилась слабой и нежизнеспособной, древняя сокровенная мечта о демократии проявляется как выход из ситуации, которая воспринимается как обременительная. Знаменитые примеры Швейцарии и американской псевдодемократии, которые с самого начала пробуждали видимость настоящего демократического основания, – это заблуждения; так как они регулярно возникали в оппозиции к уже имеющимся формам правления, которые проявляли себя как отжившие или слишком непопулярные. Никогда демократическая идея не является государственно-образующей, и то, что стало зримым в Швейцарии или в Америке, было вовсе не демократиями, а республиками, основы порядка и подчинения в которых с самого начала были однозначно патриархальными, аристократическими или плутократическими, т.е. определялись при-

вилегированным верхним слоем. Так же обстояло дело и с республиками в Древних Афинах и в Древнем Риме.

7. Никогда демократия не была жизнеспособной длительное время.

Сегодняшние показательные примеры демократических государств, Швейцария и США, которыми на самом деле управляют на основе патриархальных, аристократических или плутократических принципов, породили заблуждение относительно их демократического основного содержания из-за того, что они недавно начали страдать от заразной силы демократической сокровенной мечты. Можно быть уверенным в том, что у них повторяется та же альтернатива, которая привела Афины к гибели после падения Перикла, и которая заставила Рим перейти к императорской деспотии. В Швейцарии дух времени грызет корни традиции, а права президента США авторитарнее, чем в конституционных монархиях прошлого.

Конец немецкой демократии в 1918 году был началом деспотии Гитлера, а конец немецкой демократии в 1945 году – это пока что государственно-этическое разрушение. Демократия живет только до тех пор, пока не истощены этические и организационные ценности предшествовавших ей государственных порядков.

8. Никогда до 1918 года немецкий народ не думал всерьез о том, чтобы решиться на демократическую форму государственного правления.

Со времен революционных событий во Франции в конце восемнадцатого века было много интеллектуалов, которые мечтали о преобразовании, о новом порядке, и в соответствии со вновь обнаруженными античными образцами в середине девятнадцатого столетия они также в Германии вдохновляли беспорядки. Несмотря на крайне необходимый социальный прогресс, все эти события оставили массу народа внутренне незатронутой. После основания Империи в 1871 году, которое было настоящей желанной целью народа, умолкли даже республиканские, это значит отнюдь не действительно демократические попытки пропаганды. Также в 1918 году монархическая идея сначала оставалась настолько естественной, что даже признанный всеми руководитель социалистов Фридрих Эберт открыто выступал за нее. Только из-за того, что князья оказались несостоятельными, от надежды на естественное совершенствование конституционных монархий пришлось отказаться. Вместо постепенного расширения парламентской области ответственности и созревания надежных форм с целью улучшенного воплощения в жизнь желаемых образов эта сокровенная мечта о демо-

кратии вынудила иллюзорную тотальность прихода к власти (национал-социалистов – прим. перев.), для чего помимо предпосылок, опирающихся на законы природы, отсутствовали также все кадровые предпосылки. К сожалению, невозможно будет вернуть общественное мнение в Германии снова к той точке зрения, которая соответствовала времени до 1914 года, чтобы смочь продолжить от нее здоровое, непрерывное развитие, так как за прошедшее с той поры время пропасть прогресса стала слишком большой. Но истинная демократия никогда не будет в Германии реальным желанным образом, а всегда только сокровенной мечтой далеких от реальности теоретиков или обманчивым средством пропаганды честолюбивых демагогов.

9. Лозунги Свободы, Равенства и Братства являются предпосылкой для бесконечной череды дискуссий о том, что именно нужно понимать под этими словами.

Взаимное переплетение личных интересов в развитой народной общности настолько многообразно и настолько неразрешимо из-за специализации, что дело никогда не сможет дойти ни до увеличившейся свободы, ни до настоящего братства и, прежде всего, никогда не дойдет до настоящего равенства. В каждой отдельной из бесчисленных профессиональных сфер всегда должна быть компетентность, полномочия отдавать команды, ответственность, запреты на критику и долг послушания. Все сложное здание сотрудничества очень быстро распалось бы, если бы каждый человек в каждом деле пользовался бы правом участия в принятии решения за пределами своей специальной сферы компетенции, будь это даже только в кадровых вопросах.

В политике это тоже не может происходить по-другому, и вследствие этого политические дискуссии при демократии обычно являются непрофессиональными и практически бесплодными. Они означают чудовищную непроизводительную трату сил и бесполезную трату времени, как всегда случается, когда дилетанты вмешиваются в профессиональные вопросы – и при этом их, кроме того, еще и нельзя привлечь к ответственности за их глупости – или когда государственные руководящие органы должны согласовывать свои мероприятия с дилетантским пониманием.

10. В демократии целенаправленный разум считается единственным допустимым критерием во всех делах государства, так что сохраняющиеся в государственной традиции природные закономерности можно отрицать без сомнений и раздумий.

На самом деле все целевые установки людей – чисто инстинктивного происхождения, и они никогда не побуждаются доводами разума. С помощью разума можно лишь выбирать и подготавливать новые пути для примитивного удовлетворения инстинктов. Следовательно, можно совершенствовать требующую материального усовершенствования форму государственного правления, и можно также сделать ощутимым свое недовольство неудовлетворительными успехами, но никогда нельзя заменить развившуюся естественным путем форму государственного правления со всеми ее корнями сконструированной исключительно на основе доводов разума интеллектуальной конструкцией, не входя при этом в смертельное противоречие с природной закономерностью жизненных инстинктов.

В демократии различные традиционные ценности вначале обычно сохраняются либо незаметно, либо из чистой инерции ума, и благодаря этой душевной субстанции демократия спасает себе жизнь, но все же только до тех пор, пока также эти традиционные ценности не входят в противоречие с быстро растущими индивидуальными интересами, которые нельзя сдержать доводами разума. Вместе с тем пропадают последние внутренние связывающие силы старой народной общности.

Даже если бы удалось каким-то образом создать некий сборник формул для совместных инстинктивных желаний и научным путем сделать естественные закономерности государства поддающимися расчетам, то, однако, все равно сохранилось бы никогда не поддающееся учету изобилие отдельных проблем. Все подробное искусство закона не может справиться с возникающими ежедневно новыми требованиями человеческой природы. Последствием этого является длительный спор, который не позволяет объединение без стоящего выше лейтмотива и ускоряет упадок общности, так как отказ от естественного созревания и переоценку разума нельзя согласовать с часто только подсознательными инстинктивными целями человека.

11. Демократические представления предполагают, что обязательные жизненные инстинкты государства можно вывести просто из суммирования жизненных инстинктов всех людей, которые в своей общности образуют государство. Такое суммирование с плюсами и минусами никогда еще не сохраняло свою ценность на протяжении продолжительного времени, так как оно не допускает единства воли.

Если подумать, например, о большом экономическом предприятии, то можно констатировать, что для подавляющего большинства сотрудников деловое со-

трудничество работников с предпринимателем означает только удобную возможность обеспечить или улучшить себе личные условия жизни с помощью жалования или зарплаты. Тем не менее, эти желания в своем комплексе еще не могут дать тот импульс, в котором нуждается предприятие для сохранения своего существования и для своего дальнейшего развития. Демократическая точка зрения логически требует, чтобы смысл и цель предпринимательского делового сотрудничества в рамках трудового коллектива ограничивались исключительно интересами всех сотрудников, включая руководящих работников. Как, однако, предприятие должно приспособливаться к постоянно изменяющимся и стремящимся к улучшению интересам всех участников? Как должно гарантироваться единство воли, прежде всего, в периоды кризиса?

Снова и снова сделанные вопреки всем неудачам эксперименты такого рода – например, предпринимательские государственные коммерческие общества – доказали, что руководство регулярно начинало страдать от недостатка воодушевления, трудового порыва, но не из-за того, что оно было плохим в профессиональном отношении, а из-за того, что отсутствовал тот эгоистичный импульс предпринимательства, который ставит себя выше всех иерархически ступенчатых частных интересов.

Жизнеспособные, сильные и соответствующим образом успешные предприятия никогда не возникали путем соглашения занятых в них сотрудников, и никогда ими не управляли успешно руководящие органы, получавшие свои директивы от сотрудников. Эту возможность можно представить только в форме творческого своеволия одного отдельного человека со свободной предпринимательской натурой или также маленькой группы таких свободных предпринимателей. Соответствующая предпринимательская цель как изначально, так и впоследствии не должна иметь ничего общего с частными интересами сотрудников, хотя, само собой разумеется, природа всякого сотрудничества предполагает, что также интересы рабочих и служащих, в общем, следует принимать во внимание, если это служит сохранению полезной рабочей гармонии. В нормальном случае ценные рабочие и служащие тогда испытывают нематериальное чувство взаимосвязанности, чувство командного духа, которое приносит пользу во всех отношениях.

То же самое происходит в большом деловом сотрудничестве государства, которое подчиняется тем же естественным закономерностям, что и любое экономическое или прочее предприятие. Если отсутствует предпринимательский импульс как настоящая движущая сила, и не существует стоящей выше коллективной мысли, цели, независимой от всех частных интересов сотрудников, ко-

торая также признается с определенной самоотверженностью, то разрушение неизбежно. Такова судьба всех демократий.

12. Демократизирующие формы правления отличаются от монархических, аристократических или прочих четко выраженных структур вовсе не максимумом равенства, братства и свободы, а только их большей непроницаемостью частных эгоистических интересов, большим сокрытием ответственности и принуждением к использованию скрытых, мошеннических методов.

Классический пример иерархической формы государственного правления – это монархия в смысле королевского предпринимательства, в котором интересы монарха совпадают с лейтмотивом общности, и положение дел является однозначным для всех участников. Несмотря на особое положение монарха в правах и богатстве, весь народ может в наибольшей мере приблизиться к максимуму равенства, братства и свободы своего частного жизненного пространства, не только потому, что королевское исключение представляет собой вышестоящее связующее звено и объединяет все соответствующие приказу общие условия, а так как оно персонифицирует судебскую идею, перед лицом которой только и становятся реальными понятия равенства, братства и свободы. Теоретическая слабость монархического принципа состоит лишь в повышенной зависимости от того, повезет ли стране с подходящей личностью на королевском престоле, и поэтому в истории развития народов возникло требование предусмотрительно сузить королевские права на тот случай, если на трон взойдет не совсем подходящий для этого человек. От этого можно было защититься, между тем, путем отклонения всякого автоматического порядка наследования и, кроме того, дополнением отдельного лица королевским коллективом, но, как и следовало ожидать от необузданного размаха любого начавшегося движения, эта идея после отмены многих предполагаемых помех традиции вышла за пределы истинных целесообразных ограничений. Так дошло до того, что тенденция все больше и больше направлялась на принципиальное лишение королевского предпринимательства власти с помощью права участия подданных в принятии решений, при этом без всякой уверенности в том, что это также действительно будет полезно для частных интересов народа.

Демократия как заключительная фаза государственного развития на практике может в столь же малой степени отказаться от независимой правительственной власти и включения личных интересов правительственных уполномоченных, как и первоначальные формы правления, но и то, и другое противоречит демократической теории. Вследствие этого всем демагогам приходится заботиться о сокрытии. Необходимая независимость для принятия решений, которые укло-

няются от компетентности народа, должна приобретаться тайком и хитростью и укрепляться скрытными методами. Частному эгоизму политических менеджеров разрешено только незаметное наслаждение жизнью с умеренным жалованием, возмещением накладных расходов, заграничными поездками и многими другими маленькими преимуществами. А что касается расширенных демократическим путем границ личной свободы, то остается неясным, где именно они лежат. Лозунги равенства и братства используются, но принуждение к исключениям остается. Наряду с отдельными большими исключениями тогда существуют и бесчисленные мелкие короли, которые со своими особыми правами делают гомогенность народа невозможной, не имея при этом права признать это. Таким образом дух неискренности, фикций утопических целей и мошеннических трюков постепенно отравляет прежде однозначно ответственное осуществление власти. Люди – не ангелы.

13. Благоустроенное и объединенное патриотизмом государство предлагает каждому отдельному члену четко очерченные рамки, в которых тот точно может сконцентрироваться на своих собственных интересах и таким образом обеспечить себе наибольшую экономию своих сил. В демократии, напротив, расщепление прав участия людей в принятии решения в тех сферах, в которых эти люди некомпетентны, грозит общности роковыми непроизводительными затратами сил.

Узость или ширину рамок частных интересов можно обсуждать, так как они переменчивы и подчиняются воле прогресса. В отличие от этого сама необходимость рамок, которые определяются жизненными интересами государства, никогда не может ставиться под сомнение. Как известно, самые счастливые для граждан государства времена всегда характеризовались очень жесткими рамками, даже если государственные интересы частично определялись эгоизмом монарха или самовластного правящего слоя. Самым главным всегда является равновесие сил частных целей и общественного авторитета, но не продиктованный одним только недоброжелательством вопрос о том, служит ли государственный эгоизм отдельным вождям для получения ими чрезвычайных привилегий. Даже деспот не приносит общности такой роковой вред, как неясная, размытая субординация. Если власть вождя хороша, то каждый может спокойно и без хлопот преследовать свои собственные интересы; так как все личные прибыли со своей стороны косвенно помогают государству, что оказывает положительное обратное влияние на всех его членов.

Демократическая идея равноправия порождает, напротив, только зависть и нежелание подчинить себя данным рамкам, так что гармония взаимодействия сил

между общими инстинктами и частным эгоизмом пропадает, и после первоначального лихорадочного роста прибыли духовной распродажи сравнительно постепенно материальный прогресс блокируется нормами. В понятийной системе всякого государственного воззрения должна существовать та точка кристаллизации, которая воспринимается как священная и неприкосновенная.

14. В демократии каждый отдельный человек напрасно спрашивает себя, что именно должно побуждать его к тому, чтобы он почувствовал себя в душе связанным с государственной общностью и даже приносил ей жертву, даже тогда, когда его разум заставляет высчитать, что убытки превысят прибыль.

С девизами вроде «За короля и отечество» или «Senatus Populusque Romanus» и подобными формулировками искренне верящей в руководство общественной сплоченности ради достижения цели все успешные государства выражали стоящую выше личных интересов цель целостности. Демократический принцип отказывается от таких связывающих средств, не предлагая вместо них какого-либо идеологического возмещения. Определенно подчеркивается, что самым главным является только лишь материальное и возможное интеллектуальное удовлетворение инстинктов средних членов общества. Так как настоящую материальную ценность народной общности никогда не сможет полностью вычислить даже самый умный компьютер из-за необъятного объема взаимодействий, а духовными ценностями пренебрегают, то представляется естественным рассматривать чувство общности как нечто незначительное и воспринимать его как обременительное и надоедливое. Люди без какой-либо моральной робости спрашивают себя, не выгодно ли будет им при случае эмигрировать со сменой гражданства в те страны, которые, очевидно, предлагают больше материальных преимуществ, и это представляет собой отчетливый симптом демократического разложения.

15. Без связующей силы вышестоящей государственной идеи, будь она продемонстрирована через почитание династии или через преисполненное доверия восхищение правящим органом с убежденностью в его реформаторской всемирной миссии, в любой народной общности начинается глубокая деморализация.

Демократическая теория осуждает все формулировки не опирающейся на разум преданности как недостойные или угрожающие, так как ей должно казаться зловещим и неуправляемым все, что не поддается пониманию и учету в материальной умственной области частного эгоизма.

Все же остается без ответа, почему же каждый не должен поступать, не раздумывая, вопреки общим интересам, если на это не существует какого-либо категорического запрета, или если преступления останутся неизвестными. Только тот, кто искренне любит свою семью или друзей, будет также без материальных вознаграждений и без уголовно-правового надзора избегать делать что-то, что могло бы навредить им. Всех сводов законов недостаточно, и одна только страстная любовь к отечеству с его видимыми символами в состоянии приучить людей к тому, чтобы они и без полицейского контроля ставили интересы общности выше личного эгоизма. Если это упраздняется, то любая гражданская мораль совести становится бессмысленной. Речь тогда идет только лишь о том, чтобы использовать неполноту государственного надзора и «дыры» в законе. Это и есть деморализация.

16. Все демократические эксперименты характеризуются огромным увеличением количества законов и прочих предписаний, так как уже не чувство правильности и неправильности в соответствии с критериями патриотических гражданских добродетелей оказывает регулирующее воздействие, а одни только параграфы со страхом перед наказанием.

В государстве без идеологии все люди, которые еще сохранили в себе гражданскую добросовестность, настолько уступают бессовестным элементам, что внутренняя порядочность сталкивается с упреком в глупости. Происходит сильное новое расслоение, которое помогает всякой граничащей с преступлением безудержной распущенности добиваться для себя деструктивных преимуществ. Чтобы в некоторой степени задержать это губительное развитие, снова и снова требуются новые законы, и все же спровоцированный частный эгоизм снова и снова находит новые лазейки, чтобы безнаказанно добиваться преимуществ за счет общих интересов.

Также в гармоничных государственных структурах были преступники и авантюристы, которые бессовестно пытались использовать всякую не предусмотренную законами ситуацию, но даже если они и оставались безнаказанными из-за неполноты законов, то все равно их очень скоро наказывала общественная опала. Только в демократии испаряется моральная образцовость чиновников, офицеров и королевских купцов, так что государство вынуждено постоянным ростом числа параграфов законов заменять потерю моральных традиций и обычаев, которые прежде для всех событий надежно моделировались чувством порядочности.

17. Демократические теоретики, впрочем, утверждают, что гражданские добродетели не нуждаются ни в какой идеологии, а что воспитания этики достаточно. Все же, фундаментальная ошибка основывается на том несостоятельном предположении, будто бы достаточная доля людей якобы является способной мыслить в понятиях философской морали и поддается соответствующему воспитанию.

У всех философствующих филантропов можно снова и снова заметить, что они ожидают того, что большинство людей похоже на них или аналогично им самим, и что этого должно быть достаточно для того, чтобы защищать гражданскую мораль, гарантированную только причинами разума. Не говоря уже о том, что общий уровень образования далеко не достаточен для того, чтобы сделать воздействующими хотя бы только истоки морально-философского обучения, издавна всегда только немногим исключительным людям было дано умение делать из этого практические выводы. В случае с большими народными массами следует считать полностью исключенным, что проповедуемая индивидуальная сдержанность приведет к всеобщему уменьшению беспрепятственного использования подворачивающихся возможностей, тем более что во всех дискуссиях регулярно и однозначно подчеркивается приоритет частно-экономических интересов над государственными проблемами.

18. Потребность в дисциплинарных средствах насилия вопреки меньшим успехам в демократии больше, чем в гармоничных государственных структурах.

Если, например, в браке или семье и вместе с тем аналогично в меньших и больших трудовых коллективах, кружках друзей или товариществах пропадает духовная связь, то на место обусловленных чувствами обычаев и традиций должны прийти государственно-полицейские правила, чтобы защитить более слабых от злоупотреблений более сильных. К таким методам относится дисциплинарное насилие, и поэтому происходит так, что демократия нуждается во множестве полицейских учреждений, которые в гармоничных государственных структурах остаются неиспользованными.

Ставшие невыносимыми и находящиеся под угрозой революции деспотии – это ярко выраженные полицейские государства, но даже их еще превосходят некоторые так называемые демократии, если только подумать не об одних лишь политических, но и о криминальных проблемах, которые позволяют в первую очередь оценивать гражданскую мораль.

19. Демократические эксперименты всегда могут продолжаться только до тех пор, пока они не истощили полученные от предшествовавшей естественной государственной идеологии понятия морали.

Как в 1918 году, так частично также в 1945 году в Германии еще существовало чиновничество, которое чувствовало себя связанным с государственно-моральным стилем. Демократические реформаторы полагают, что это осознание своего долга, собственно, обретает настоящие движущие силы только в мире их представлений. Поэтому они стремятся доказать демократическую природу этой честности на примерах часто еще сохранившейся самоотверженности, вплоть до рядов профсоюзных служащих. В действительности не только у преступных склонностей, но и у добродетелей есть сравнительно длительная инерция в массовой психологии, так что люди очень легко поддаются иллюзии в отношении необходимости обновить духовные средства мотивации. Среди молодого поколения вполне может быть еще несколько непоколебимых людей, которые следуют образцу своих более старых начальников, но это не секрет, что взаимное доверие между людьми сегодня удивительно сильно упало. Случаи коррупции ужасно возросли, особенно если сравнить с нынешним временем состояние общественной морали до 1914 года.

Аргумент о моральном одичании во время войн не обоснован в качестве оправдания; также бедствий беженцев недостаточно для того, чтобы объяснить всеобщую моральную неуверенность. Напротив, молодежь спрашивает сегодня: «Что это все же такое – отечество? Почему я должен упускать удобные случаи для обогащения, которые прежде считались аморальными, если есть возможность избежать наказания? Разве не главное – только не попадаться? Не нужно ли быть просто достаточно умным, чтобы не вступать в конфликт с законами? Разве это не проблема только власти, что мелких вешают, а большими восхищаются?» Это последствия демократического отсутствия веры.

20. В демократических государственных экспериментах неизбежно происходит так, что связь мысли об общности с религиозными представлениями ослабляется, что способствует зловещему метафизическому вакууму.

Неограниченное право на личную свободу мыслей – которое и без того ни одна власть в мире никак не может запретить серьезно думающему человеку, так как контролю поддаются только публикации – оказывает неправильное воздействие, если демократические тенденции стимулируют к критике любой точки зрения, доказуемой только с помощью чувств или традиций, но не с помощью употребительных доводов разума, но при этом большинство людей недостаточ-

но готово к этому в умственном отношении. Основанное только на разуме отрицание правдивости религиозных преданий ведет простого человека к бесплодному атеизму, к высокомерной самонадеянности, к потере инстинктов, к бессознательности и душевной глухоте.

Люди, у которых больше нет ничего святого, и которые больше не вспоминают о том, что власть создателя по ту сторону всей отображаемости определяет не только судьбу, но и собственные духовные силы, остаются скованными причинно-следственными цепями своей логики. Они не откроют целину, и для идеи общности они будут лишь наполнителем, лишенным структуры. При последовательных демократических принципах недостаточно того, что ведущие государственные деятели лично демонстрируют свою церковную религиозность, или религиозные общества даже приобретают партийно-политическое влияние, так как в народе на место настоящей душевной готовности к резонансу приходит полностью лишенный вибраций оппортунизм.

21. При уменьшении религиозности в демократических государствах усиливается политизация церквей, к тому же возрастает влияние суеверий и власть неконтролируемых бредовых идей.

Потребность в вере – это неотчуждаемое свойство человеческой природы. Никто не может уклониться от впечатления о предопределенности своей жизни. Как только существующие религии на политической сцене вступают в соревнование за командные посты и вместе с тем теряют в глазах верующих свое духовное лицо, они очень быстро подвергают себя натиску непочтительной критики рационалистической самонадеянности. И сразу же врожденный инстинкт к созданию трансцендентных представлений также толкает людей к вере в чудеса, куда более неразумной, чем та, в которой упрекают иллюстрированные книжки отвергнутых религий. Неудовлетворенная тоска по вере станет легкой добычей для астрологов и предсказателей, которые научились коммерчески использовать глупость все равно естественно одержимых верой людей. Не только в профессиональную жизнь отдельных людей, но и в политическое развитие событий входят запутанные мотивы, которые делают хрупким еще сохранившийся остаток ценности разума человеческой целеустремленности. Всякая переоценка разума порождает оказывающее вредное воздействие безрассудство, которое тем более опаснее, что оно не в состоянии критиковать само себя.

22. Более 99 % людей – как дети. Все демократические неудачи можно объяснить с помощью знания этого факта.

Никто не может утверждать, что человечество полностью развилось в духовном плане. Школа жизни пока что еще обязательна для всех людей, и, за немногими исключениями гениальных скороспелых вундеркиндов, никем из школьников нельзя управлять без авторитета, который основывается не только на лучших знаниях, но и на независимом от профессионального предмета властном правомочии. Также учителя и органы надзора еще должны были бы учиться, но, все же, тут как раз требуются еще более внушительные различия между начальниками и подчиненными.

У большинства детей лжепророки могут очень легко пробудить сокровенную мечту о том, чтобы избежать надзора со стороны независимого руководства школы, в особенности, если это руководство якобы оказалось тираническим или неспособным. Однако никогда еще детям не позволялось выбирать себе учителей по собственному усмотрению и ставить тех в зависимость от какого-то слушающего, так как детям еще только предстоит научиться отличать правильное от неправильного, полезное от вредного или хорошее от плохого. Маленьким детям понадобится уже довольно много лет, пока они смогут называть себя взрослыми. Взрослым же, напротив, очевидно, потребуются столетия или тысячелетия, если они вообще хоть когда-нибудь смогут в своем большинстве отказаться от глупого безрассудства ранней эры человечества, чтобы не ввязываться в войны, сопротивляться дешевым лозунгам и по собственному почину поддерживать порядок. До тех пор никакая настоящая демократия не может быть мыслимой, и любая попытка ее введения перейдет в обман.

Само собой разумеется, желания, склонности, природные закономерности и благополучие всех детей играют важную роль для руководства ими, но как только детские выражения мнения воспринимаются как более важные, чем они того заслуживают, сразу происходят типичные для демократии катастрофы. Без зрелого, стоящего выше компетентности детей авторитета, как тот, который может подарить нам природа с естественным ростом традиционных ценностей, не существует порядка в работе.

23. В демократии служители государства не находят духовных импульсов для бескорыстного исполнения ими своего долга.

В монархической Германии чиновники и офицеры занимали в обществе первое по важности положение. Это было внешним вознаграждением за их отказ от соревнования за деньги и имущество, которое было позволено многим другим членам государственной общественной жизни. Без сомнения, честолюбие – это тоже эгоистичный мотив, но есть большое различие в том, направлено ли оно

на признание неквалифицированных народных масс или на благоприятную оценку со стороны вышестоящего государственного авторитета с побочным воздействием всеобщего уважения. Во втором случае появляется также внутреннее удовлетворение от направляемого государством исполнения долга, даже если внешние знаки признания остаются недостаточными, так как в сознании цели жизни не может существовать никаких сомнений.

В отличие от этого в демократии самая возвышенная цель состоит в том, чтобы достигнуть согласия общественного мнения и пробудить видимость исполнения народной воли, так что в случае успеха можно при случае утверждать даже об определенной независимости от вышестоящего начальства в пользу собственного тщеславия. С другой стороны, ответственный начальник очень легко утрачивает безусловное доверие к надежности его подчиненных, которые всегда могут сослаться на то, что вопреки любым отрицаниям даже для судьбы важно завоевать личную популярность.

24. Предпосылкой любой этики, безразлично в какой форме, является способность человека преодолевать свой эгоизм в достаточной степени, чтобы чувствовать себя обязанным безоговорочно выполнять стоящее выше него самого задание. Для этого демократия не дает никаких стимулов.

Философ может путем умственных упражнений найти более высокое жизненное удовлетворение в духовных переживаниях и в служении человечеству, чем он мог бы сделать осуществлением примитивных инстинктивных влечений. Но для такого философского взгляда нужна необычайно высокая и поэтому очень редкая степень таланта, владения знаниями, благоприятная ситуация в окружении, и способность к резонансу для душевных влияний, так что эту досягаемость нельзя обобщать.

Тот, кто верит в божественный мировой порядок, который наказывает за Зло и вознаграждает за Добро, будь то в церковной религиозной общине или в религиозной уединенности, найдет силу для того, чтобы исполнить свой долг без признания людей и даже вопреки своим собственным материальным преимуществам.

Во времена монархий и государственных идеологий служба государству была, прежде всего, делом совести. Любовь к династии и почитание патриотических символических ценностей были настолько сильны, что с их помощью отдельный человек находил в государственной службе достаточный стимул для того, чтобы на своем месте в государственно-идеальной иерархии испытывать также гордое

чувство выходящей за пределы всех личных интересов значительности работы. С этим неизбежно были связаны национальное самосознание и национальный эгоизм общности, который демократические принципы разума отвергают.

Если члены государственной общественной жизни убеждены в том, что судьба наделила их всемирной миссией, то они также будут готовы принести ради этого жертвы. Идеал человечества позволяет признавать это ценным, даже и в том случае, если за свой вклад ради достижения такой высокой цели человек не получает никаких мирских вознаграждений.

Но демократия осуждает такие воззрения как иллюзии и как симптомы умственной незрелости, с которыми следует бороться. Тем самым она разрушает все возможности сделать приоритет государственных интересов понятным для простого образа мыслей.

25. Симпатии и антипатии, как и всюду, также в государственной жизни влиятельнее, чем чистые доводы разума. Но вся систематика пробуждения симпатий и предотвращения антипатий отвергается демократической теорией, так как эта теория признает исключительно обращения к мнимой разумности.

Также в представлениях мужчин и женщин существует зрение разума, но если их отношения должны быть плодотворными и прочными, то нужно, по меньшей мере, избегать всего, что порождает антипатию. По нормальным правилам оба партнера стремятся выглядеть симпатичными и независимо от всех аргументов материальных или тщеславных преимуществ прибегать к человеческой или, по меньшей мере, сексуальной притягательной силе. Они стремятся представить себя в благоприятном свете и с помощью красивой одежды, ухода за телом и достойного восхищения поведения взывать к подсознательным инстинктам или напоминать об образцах проверенной времени традиции, чтобы пробудить доверие к общему будущему.

Эта исконно человеческая, свойственная еще древним людям, а также уже в животном мире аналогично доказуемая природная инстинктивность полностью противоречит основному демократическому принципу. Хотя крайняя необходимость политической косметики навязывается снова и снова, у убежденных в демократических принципах интеллектуалов – если речь не идет, собственно, о не интересующихся всем этим конъюнктурщиках – отсутствует всякий инстинкт и всякая чувствительность. Так что дозволенные мероприятия по присвоению титулов, награждению орденами, техника пропаганды и стремление к популярности несут столь явную печать неискренности.

26. С демонстрацией осознания своей миссии хорошие короли и руководители государств связывали ремесло укрепления движущих сил духа солидарности. Если плохие короли и вожди не справлялись с этим или злоупотребляли техникой этого ремесла, то это еще нисколько не доказывает ее ненужность.

У немецкой армии до 1914 года была не только одна единственная цель: превзойти в военно-техническом отношении всех возможных противников, как это должна была бы предписывать военная разумность. Блеск мундиров и искусство парадов были время от времени даже настолько не воинственными, что их неоднократно высмеивали внутри страны и за границей. Но на самом деле они оказывались максимально целесообразными в совсем другом смысле. Они, как ни парадоксально, как раз своей театральностью пробуждали сильное чувство сопричастности, действенную коллективную гордость и самоочевидность переносить восторг от этих демонстраций в действительность, так что достойные восхищения действия немцев во время обеих мировых войн могут послужить свидетельством королевского ремесла соединения людей.

Очень пестрая техника представления королевского величия может в наше время в значительной степени утратить свою силу резонанса, прежде всего, в конкуренции с великолепием кино. Но католическая церковь своей декоративной верностью традициям доказывает, что важна тут не изменившаяся готовность народа к резонансу, а только утрата ремесленного мастерства приспособиться к изменениям формирования мнения. Торжества коронации в Англии (коронация Елизаветы Второй) наполнили даже самый трезвый народ в мире, управляемый весьма стремящимся к демократии и поэтому враждебным к традициям правительством, новым воодушевлением к государственной солидарности, так что британская королевская власть вопреки лишению ее политической власти могла очень явственно доказать свое значение, стоящее выше разума.

Так как император Вильгельм II сам был в опьянении от определенных для народа средств влияния, так как остальные правящие немецкие князья утратили осознание своей миссии и предпочли уютный отход от дел профессиональной угрозе, и так как, наконец, Адольф Гитлер злоупотреблял ремесленными эмпирическими знаниями с душевной неуправляемостью, в Германии у всех разочарованных тогда государственных деятелей есть принципиальные опасения по отношению к ремеслу массового влияния как таковому. Но критику средств нельзя путать с критикой их применения, и демократам придется за свою ошибку – желание с помощью доводов разума воодушевлять народ для безжизненных теорий – заплатить вечной безуспешностью.

27. В современном государстве является естественным, что материальные основные требования народа выражаются и учитываются, но бессмысленно, если выбранные народом представители его интересов сами непосредственно должны обеспечивать правительственные дела.

Парламент должен подвергать правительство живительной и пробуждающей активности критике, но этот здоровый принцип становится бессмысленным, если критики, со своей стороны, сами хотят прийти к власти. Вместе с тем критика либо совсем пропадает, либо она ограничивается тем видом оппозиции, которая направляет свою критику в зависимости от того, как она кажется этой оппозиции благоприятной для перспектив в конкуренции за приход к власти. Тогда больше нельзя говорить о настоящем представительстве народных интересов, а скорее о борьбе за власть, при которой народные интересы служат только предлогом для главного дела.

Помимо вышестоящей государственной идеи как лейтмотива, правительственный орган нуждается в таком высоком профессиональном и моральном предварительном обучении и воспитании, которого никак нельзя просто так ожидать от коллег-специалистов в большинстве профессиональных групп. Также при этом поэтому неизбежно возникает специализация, при которой место первоначально коллегиальных членов профессий и сословий занимает тип получающего жалование функционера.

28. Если представитель народа становится правительственным органом, то он должен был бы прекратить воспринимать свой долг только как долг представителя лишь определенных народных интересов.

Член правительства может представлять только интересы целостности. Депутат же должен представлять интересы лишь тех групп сограждан, которые уполномочили его. Теоретически должно быть возможно, что все слои, профессиональные сословия и мировоззрения народа посылают своих представителей в парламент, так что получается пестрая картина разных мнений, которые годятся для того, чтобы так информировать профессионально подготовленных членов правительства, что из этого могут быть получены цели целостности для государственного руководства. Хотя нужно уже назвать вредным, без сомнения, если особенные соотношения сил представленных депутатами интересов приобретают большее значение, чем то, что служит народному целому. Но положение становится поистине роковым, когда непосредственные правительственные полномочия получают люди, которые обязаны своим назначением односторон-

нему представлению интересов, а также остаются зависимыми от этих интересов в будущем.

Односторонний депутат либо использует доверенные ему правительственные полномочия, чтобы добиться непаритетных преимуществ для своих заказчиков – тогда он предатель всей народной общности – либо он действительно беспокоится о целостности – но тогда уже его избиратели видят в нем предателя. Кроме того, в обоих случаях у него преимущественно отсутствует компетентность и воспитание надпартийной точки зрения, так как если он в виде исключения обладает этими качествами, то он непригоден для того, чтобы начать свою политическую карьеру как представитель особенной группировки, т.е. партии.

Вся демократическая внутренняя политика состоит из чистого межпартийного спора. Если бы два адвоката могли бы представлять две партии с противоположными интересами перед судом, то для принятия решения потребовался бы поистине независимый судья. А если целью судебного спора было бы возвысить одного или другого адвоката до должности судьи с помощью подсчета числа сторонников этих адвокатов, то это воспринималось бы как бессмыслица, но в демократической политике именно эта бессмыслица и стала методом.

29. В демократической практике регулярно выявляется, что к настоящим голосам народа вовсе не прислушиваются. Вместо этого значение приобретают только функционеры, интересы которых исчерпываются проблемами политических союзов, если только они не ориентируются на перспективы правительственной карьеры. Один из наиболее характерных демократических феноменов – это тот факт, что во внутренней политике больше почти вообще не нужно иметь дело с отдельными людьми, а только лишь с союзами и объединениями.

Рабочий или ремесленник, или коммерсант и т. д., который ежедневно в своей работе ощущает интересы какой-либо специальной группы непосредственно, на собственной шкуре, лишь редко располагает временем и подготовкой для того, чтобы справиться с чрезмерно преувеличенной в демократических государствах техникой создания союзов, игрой взаимоотношений приемных, обязательным компромиссным торгом и темными методами приобретения влияния. Вследствие этого партийно-политический парламент становится специальной профессией, и очень часто это адвокаты, экономисты, журналисты и т.д., которые происходят из совсем другой сферы, нежели та, на которую претендует обслуживаемая ими профессиональная группа. Если же такое, тем не менее, однажды случается – и это обычно напоминает, в особенности, первоначальную идею при создании но-

вых партий – то уполномоченный должен как можно раньше отказаться от своей настоящей профессии, чтобы сконцентрироваться на своих политических задачах. С подъемом социал-демократической партии так много защитников рабочих интересов приходили непосредственно из рядов квалифицированных рабочих и хвастались тем, что они, мол, являются шорниками, стеклодувами, токарями и т.д. Тем не менее, стоит лишь их проверить, и выяснится, что они уже в том возрасте, в котором другим еще предстояло получить аттестат зрелости, стали получающими жалование профсоюзными служащими и наверняка утратили всякую внутреннюю связь со своим первоначальным временем профессионального обучения. Вопреки всем противоположным заверениям представители рабочих превращаются в оплачиваемых адвокатов, которые, пусть, возможно, и без замешательства благодаря своему проснувшемуся политическому честолюбию защищают интересы своих предполагаемых коллег по профессии или единомышленников по мировоззрению, но у них отсутствует повседневная, живая и образующая инстинкт профессиональная тесная связь.

30. В естественном организме, например, в частно-экономическом предприятии, руководство – это неизменное начало, тогда как исполнительные органы заменяемы, что в силу необходимости не угрожает существованию целого. В демократическом государстве как раз все наоборот. Чиновничий аппарат считается неизменным, тогда как руководство (преимущественно даже на короткий срок) мыслится как сменяемое, непостоянное.

В этом особенно отчетливо выражается противоестественность идеи демократической государственности. Это похоже на то, как если бы человеческое тело, аналогичное государство клеток, должно было быть неизменным, а душу или мозг можно было бы заменять. При этом забывается то, что душа с ее персонализацией в виде понятия руководства вообще только и воздействует как обязательная связующая сила на клетки, которые сами по себе не в состоянии образовать живой организм. Ни чиновничьи аппараты, ни структуры человеческих клеток нельзя рассматривать как самоценные строения, которые по очереди можно предоставлять в распоряжение руководящим личностям с разными задачами, чтобы эти личности их воодушевляли и приводили в действие.

31. Точка зрения хорошего немецкого чиновника – это сегодня все еще продукт иерархической государственной идеи конституционной монархии. То, что отклоняется от этого, является симптомами упадка недостающего душевного об-новления.

Все немецкое чиновничество по своей сущности не демократическое, а неизменно иерархическое и вневременное. Тот, кто лично заинтересован в конкуренции за имущество и деньги, не может быть настоящим чиновником, ибо настоящий чиновник стремится к осуществлению своего существования с сознанием миссии благодатного иерархического встраивания в священную идею государства. Жалование служит ему лишь скромной возможностью, чтобы безоговорочно – без непосредственных забот о существовании – посвятить себя жреческому служению государству. Предоставление пенсии, а также невозможность уволить в одностороннем порядке должны быть, как и у судей, предпосылками для его морального бесстрашия и беспристрастности при исполнении им своих служебных обязанностей. Если бы чиновник не был так убежден в своей миссии, что он желал бы посвятить себя ей также и без жалованья, в том случае, если его существование гарантировано его частным имуществом, то он уже доказал бы тем самым ту современную дистрофию, которая разрушает моральный фундамент профессиональной радости от жизни. В эпоху до 1914 года значительная часть высших чиновников и офицеров в Германии исполнила свою службу с большой самоотверженностью и добросовестностью лишь ради чести и любви к своей профессии, несмотря на то, что диспропорция скромного жалования не позволяла им сохранять привычный уровень жизни.

32. Радость труда чиновника зависит, в принципе, от инстинктивных стимулирующих мотивов, подобных по сущности душевному участию человека в интересах его родителей, братьев, сестер и друзей.

Почему человек работает для своей жены и своих детей, не получая за это зарплату и не достигая личных преимуществ, можно в некоторой степени обосновать инстинктами сохранения вида, но почтение перед родителями, связь с родом и тесная связь с верными друзьями – это уже чисто этические мотивы. Существенна при этом понятность этих людей, так как для абстрактной идеи можно только редко и тогда лишь с помощью средств психологии масс пробудить жертвенную страсть. Ставшие неизвестными родители и братья и сестры не вызывают, в общем, внутреннее чувство долга.

Чиновник по своей природе должен воспринимать свою сферу ответственности государственного чиновничества как большую семью, в которой чувство долга сильнее вопроса его личных преимуществ. Разумеется, для этого необходим реальный символ, видимый глава семьи, будь то отдельный монарх, династия или руководящая коллегия как римский сенат, на которого смотрят как на что-то вневременное и священное. В семье многие члены – в частности, братья и сестры в детском возрасте – могут спорить друг с другом, и чиновники могут в – ча-

сто даже очень коварной – борьбе между отделами самым некрасивым способом заботиться о необходимых для жизни органического объединения напряжениях, но в вопросах целостности не может быть сомнений относительно их солидарности. Демократия не знает никаких таких связывающих средств, и поэтому уже обычные явления конкуренции чиновников между собой могут стать роковыми.

33. Даже плохой государственный руководитель все еще может требовать (как плохой отец) лояльности и привязанности к себе, если он воспринимается как естественный и не навязанный.

Убеждения в верховной власти от бога или во власти, определяемой природными закономерностями, что может быть бесспорно по отношению к династиям, выборным королям и сенаторскими объединениям, достаточно для того, чтобы гарантировать обязывающее чувство принадлежности для каждого государственного органа. Это касается даже лишенных руководства переходных периодов, но также справедливо и в случае с непригодным руководителем государства. Для существования государства – так же, как и у плохого отца для существования семьи – все еще важнее сохранять в действии живой символ общности до момента его естественной смены в результате смерти, чем ставить под сомнение продолжительную ценность законного порядка.

Совсем иначе обстоит дело у руководителя, который был назначен на роль отчима данностей, которые представляют собой не стилевую обязывающую закономерность, а прямо-таки враждебный стилю произвол. Массовые мнения народа, с которыми каждый чиновник должен профессионально разбираться вплоть до пресыщения, никогда не могут иметь для выбора верховного руководителя непосредственное неограниченное право окончательного решения, потому что все, что решает дух массы без руководства и ограничения, качественно так же неопределимо, как деревянный идол, о котором примитивные люди думают, что смогут с его помощью сделать исполнимыми свои желания.

34. Действительно успешное сотрудничество общности и ее руководства всегда возможно только при долгосрочных отношениях. Демократия не дает политическим руководителям возможностей для этого.

Вполне естественно, что сегодня каждый чиновник осознает предостережения и оговорки по отношению к своему политическому шефу: после следующих выборов, очень вероятно, будет новый шеф, и поэтому вовсе не стоит заботиться об актуальной слаженности ради продуктивной согласованности. Поэтому каждый

отдельный человек должен сам наблюдать, как тот справляется, в полной противоположности изначальному смыслу совместной работы. Политические руководители чиновничьего аппарата всегда должны чувствовать себя изолированными. К тому же часто происходит так, что часть чиновников обязана своим положением какому-то предшествовавшему партийному политику, который представлял принципиально другие воззрения. Потому у чиновников возникает соблазн мешать работе своего нового шефа путем определенного пассивного сопротивления и быть, по меньшей мере, сдержанными или безразличными. Тем более что никогда нельзя быть уверенным в том, как будет относиться ожидаемый вскоре преемник нынешнего шефа к продемонстрированному в прежнем направлении усердию в работе. Если консервативная партия сменит социал-демократическое правительство, то она должна считаться с чиновниками с социал-демократическими взглядами. В случае возвращения социал-демократов к власти после следующих выборов может произойти так, что некоторые новые находящиеся под влиянием консерваторов чиновники будут создавать трудности, или же им будут создаваться трудности. Так эта проблема продолжается без конца, как чиновничий аппарат при таком унижающем неуважении его политической умственной самостоятельности мог бы стать полезным инструментом в руках политических шефов, не теряя при этом свой характер и инициативу. Даже очень стойкий философ должен испытать на практике, что такое чрезмерное требование выше человеческих сил. Не говоря уже об износе людей, новое поколение чиновников не может не приспособливаться к принуждению к оппортунизму.

35. Крестьянин растит свой лес для внуков и правнуков, чтобы обеспечить длительное существование своего крестьянского двора. При этом он действует в соответствии со своими собственными знаниями и совестью. Но демократический государственный деятель никогда не может планировать на дальнюю перспективу.

В демократическом государстве постепенно всем бытием овладевают краткосрочные планы. Образец политиков, которые всегда мыслят только периодами от одних выборов к другим, отражается также на частной жизни, и таким образом каждый стремится не дожидаться сначала созревших плодов долгосрочной работы, а как можно быстрее эксплуатировать всякую подвернувшуюся благоприятную ситуацию. Весь общий стиль жизни становится оппортунистским, с привитой бесцеремонностью и отсутствием каких-либо колебаний по отношению ко всему, что могло бы когда-то позже оказаться вредным.

36. Ни один демократический государственный деятель не может позволить себе предпринять что-нибудь непопулярное в настоящем ради лучшего будущего, так как критика народа в высшей степени ненадежна, и она откажет ему в необходимой поддержке для крупномасштабного напряжения сил.

Издавна достойные уважения государственные деятели демократических правительств жаловались на то, что девяносто процентов их работы уходит не на исполнение их полномочий, а растрачивается в усилиях добиться этих полномочий и потом оставаться в седле. Все, что они считают полезным для государства, они затем всегда должны проверять на предмет того, не будут ли они из-за этого лишены мандата, не войдут ли они в конфликт со своей партией, и есть ли у них вообще еще достаточно времени для закрепления своих идей, прежде чем следующие выборы снова угрожают сделать все иллюзорным. У менее достойных уважения государственных деятелей душевные конфликты и изматывающие разочарования из-за несовместимости правильного с возможным, вероятно, меньше, но и истинный интерес государства соблюдается ими тоже соответственно меньше. В неясных с точки зрения партийной политики ситуациях правительство с демократической зависимостью может быть прямо-таки неработоспособным. Для политического государственного деятеля или чиновника выделенные ему профессиональные задания никогда не могут иметь большее значение в сравнении с его партийно-политическими интересами.

37. В демократических государствах видимость достижений должна рассматриваться в качестве более важной, чем настоящая ценность, и поэтому пропагандистский эффект от какого-либо мероприятия оказывается главнее, чем предполагаемое достижение цели этого мероприятия.

Кто внимательно наблюдает за вознаграждениями или знаками почитаниями, которые народ по собственному желанию присуждает своим государственным деятелям, тот легко может заметить, что они распределяются очень несправедливо. Народная масса никогда не может быть объективно компетентной, и народный инстинкт, который так часто расхваливают, здесь обманчив. Так само собой получается, что каждый государственный деятель при исполнении своих профессиональных обязанностей должен стремиться к тому, чтобы заботиться, прежде всего, о видимости достойных признания результатов, даже если он и на самом деле ставит общественное благо выше требований своего честолюбия. Он мог бы освободиться от этого принуждения только в том случае, если он в качестве прикрытия обладает доверием королевского авторитета или непоколебимого государственного руководства. В демократии такого надежного фундамента не может быть, и все равно только таким образом стало возможно скон-

центрировать восемьдесят и больше процентов личной рабочей силы на настоящих полезных для блага государства задачах вместо того, чтобы как до сих пор расходовать более девяноста процентов прилагаемых усилий на собственную безопасность.

38. В демократии партии определяют кандидатов, которые предлагаются народу для выбора. Этот предварительный отбор производится, несомненно, в соответствии с партийно-политическими качествами, так что на самом деле речь никогда не идет о народовластии, а исключительно о партийных господах, которые конкурируют между собой за влияние на общественное мнение.

До тех пор, пока народ сохраняет в себе естественное признание определенного слоя руководства и может при этом подарить свое доверие лично ему известным людям, можно ожидать кандидатов, которые соответствуют уровню пригодности для правительственной работы. Совсем иначе обстоит дело с иерархией, по которой поднимаются кандидаты на руководящие посты в демократическом государстве. Собственно, их специальное образование касается только их ораторского таланта или прочих средств для ловли голосов избирателей в пользу партии. Общеизвестные человеческие качества часто даже являются помехой, тем более что в всегда неизбежном кругу друзей по партии наверняка нельзя добиться симпатий к себе с помощью надпартийного мышления и более культивированного характера, подходящего к будущему правительственному заданию. Соревнование в честолюбии порождает глубокую антипатию к большим талантам, и поэтому все демократические партийные круги обычно охвачены подчеркнута мелкобуржуазным и полностью неостроумным, лишенным чувства юмора духом. У обывателей есть очень тонкое чутье на личности, которые выросли выше среднего уровня, и поэтому на них сразу же начинаются нападки, если только от них не ожидается, что они захватят власть.

Можно посчитать эмпирическим фактом, что из партийных школ только очень редко выходят настоящие личности, причем, в общем, даже независимо от их социологической позиции, и все равно, идет ли речь о консерваторах, либералах, социалистах или маргинальных радикалах. Вообще дело больше не в том, что ежедневно от случая к случаю – как, например, при успешном руководстве большим промышленным предприятием – ответственные специалисты делают целесообразные распоряжения, а в том, что действует партийная дисциплина. Систематический народный интерес существует только в рамках партийных интересов.

39. Любая попытка действительно дать народу неограниченное право на выбор его правительственных органов оканчивается провалом из-за технической невозможности.

Немецкий народ состоит из многих миллионов имеющих право голоса членов. В сравнении с этим число ответственных правительственных органов очень мало, и право на последнее решение есть, по существу, только у единственного главы правительства, которого лично не знает и одна тысячная доля населения, не говоря уже о том, что эта часть населения в состоянии обсуждать и оценивать его способности. Цель править народом и ради его же блага сделать народ подчиненным более высокому пониманию политического авторитета является естественной во всех формах правления, но в демократии это не признают открыто, и также не выражают методически в форме правил, но эта цель утаивается и тонет в партийных кликах, чтобы поддерживать фикцию народовластия.

Не личная способность квалифицирует человека, который считает себя призванным для этого, но он должен сначала образовать партию или пробраться на самый верх в какой-то партии. С одной стороны, для этого он нуждается в очень больших деньгах или в очень большой приспособляемости к иерархическим взаимоотношениям и, в любом случае, к очень большой непроизводительной трате сил. Вследствие этого происходит значительное смещение целей. Но также и тогда он преимущественно еще не может найти возможность для личных отношений с избирателями в существенной мере. Он хоть и утверждает, что получает мандат от народа, но в действительности его сначала должна отобрать партия, и тогда после успешного выбора начинается борьба в пределах партии за практическое исполнение мандата. Преобладающую часть депутатов никогда не упоминают в газетах, так что также отпадает возможность независимой от партии популярности. На практике за немногими исключениями происходит так, что выбирают не людей, а партию, и очень немногие избиратели знают, кто, собственно, представляет их мнимые права на власть. Также попытки увеличить личную сферу воздействия с помощью крупномасштабной ораторской деятельности должны оставаться недостаточными, так как число возможных массовых собраний исчезающе невелико в сравнении с общей численностью народа. Бессилие избирателей приобрести вообще хоть какое-то влияние на исполнение правительством своих обязанностей настолько очевидно, что – кроме как при совсем простых альтернативах – интерес к этому все больше пропадает.

40. Дилетантская публика может – до определенной степени – выражать собственное мнение лишь о том, достоин ли доверия некий лично известный публике кандидат, но едва ли когда-нибудь у нее может быть компетентное мнение

о его профессиональных качествах, так же редко, как при выборе врача или адвоката.

Демократическая идея объективного представления интересов бессмысленна, так как голоса немногих компетентных избирателей незначительны по сравнению с воздействием средств влияния на психологию масс. Самые умные и самые добросовестные избиратели, будь то экономисты, психологи или историки, побеждаются массой большинства голосов имеющих абсолютно равноценное политическое право участия в принятии решения сельскохозяйственных рабочих, служанок и представителей бесчисленных других достойных уважения профессий, которые не располагают достаточной самостоятельностью в своих оценках, а подчиняются каким-нибудь случайным комбинациям или односторонней технике пропаганды. Ни одно коммерческое предприятие нельзя было бы таким способом сделать жизнеспособным и успешным. Почему же тогда так обстоит дело с государством, которое согласно демократической точке зрения должно представлять собой самый большой коллектив трудового сотрудничества народа?

41. Господство демократического среднего разума мешает умственному и духовному прогрессу.

Злосчастный демократический принцип всегда представлять одного человека равным другому человеку, совсем без разницы, идет ли речь об интеллектуальных великанах или карликах, вызывает вопрос, почему для африканских пигмеев и неграмотных восточных азиатов еще должна проводиться граница равноправия по отношению к человекообразным обезьянам или прочим более высокоразвитым животным. Если каждый получает подтверждение того, что он может класть на чашу весов правительственных решений свою более или менее несовершенную точку зрения с тем же самым весом, что и человек, который обязан своей уравновешенной зрелостью, опытом и умом несколькими поколениями воспитания или необычному таланту, то у него отсутствует какой-либо стимул и какой-либо смысл усилий стремиться к более высокоразвитому человечеству для себя самого или для своих потомков. Желаемой целью может оставаться только лишь повышение удовлетворения эгоистичных инстинктов, а такое одностороннее стремление непригодно для общего блага целостного общества.

Вследствие этого все демократические эксперименты как признак стагнации демонстрируют неприкрытую антипатию к любому душевному и умственному превосходству, особенно в противоречии к народному инстинкту. На другой стороне стоит завышенная оценка технического прогресса и поверхностных

развлекательных искусств, которые поддаются пониманию также без творческой готовности к резонансу, просто как материальные преимущества. Демократическая иллюзия самоопределения не допускает того, что кто-то признает свою ограниченную компетентность и вместе с тем свою неполноценность. Более или менее все чувствуют себя вынужденными симулировать понимание предмета и совместно участвуют в комической игре пустой политической болтовни. Тем не менее, это обуславливает недопущение или исключение всех тех, о которых известно, что они разгадают такое очковитительство. Страх перед разоблачением может даже породить смертельную ненависть, усиленную склонностью одержимых своей значимостью людей массы «сияющее черной краской мазать и волочить возвышенное в пыль». Если кто-то берет на себя роль, с которой он не может справиться, то он рано или поздно неизбежно становится мошенником, и при народовластии эта беда затрагивает весь народ. Естественнее было бы, если никто и не брался в существенной степени за дела, для которых у него нет специальных знаний и способностей для собственной оценки, и если бы каждый чувствовал почтение перед теми людьми, которые благодаря своей подготовке и таланту могут перенять у него ответственность.

Значительные мыслители Германии в семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом веках никогда не нашли бы в демократии достаточный резонанс. Никогда Гёте на основании его литературной славы не стал бы уже в течение молодых лет пожизненно находящимся на государственной службе министром, а должен был бы вопреки своему юридическому образованию иметь очень хорошие партийные связи, чтобы добиться достаточной правительственной должности. Однако он должен был бы при всех обстоятельствах ограничить свою продуктивность популярным стилем своего «Вертера». Народ ни тогда, ни сегодня не находил понимания его беспредельного значения, и если даже допустить такое же большое своеобразие, как и понимание со стороны его покровителя-герцога, то судьба предложила ему необходимые предпосылки для его универсального развития, все же, только в великолепной структуре суверенной уверенности.

Где господствуют средний разум и инстинктивная примитивность в духовном плане лишенной руководства народной массы, там силы творчества не находят материал для создания формы.

42. В демократии могут проявляться и приобрести значение только исчисляемые точки зрения. С трудом поддающиеся пониманию творческие импульсы и их не обывательские сопутствующие явления иногда вызывают подозрения также в иерархически управляемых государствах как чуждые общности или вредные, но суждение обывателей по нетерпимости превосходит всех тиранов.

К загадочности творческих вдохновений принадлежит то, что их нельзя ни вынудить, ни содействовать им с помощью целеустремленности или напряжения воли. Великие фундаментальные изобретения, открытия и произведения человечества, как правило, были рождены почти играючи, непреднамеренно, или же они были подхвачены на краю пути к совсем другим целям. Ни одна методика здесь не справится, разве что рассматривать роскошь бесцельности, освобождения от цели и освобождения от рабочих обязательств как методику, которая еще не содержит, тем не менее, гарантии успеха. К тому же такое противоречащее нормам и на первый взгляд паразитарное существование в высшей степени противоречит мелкобуржуазному взгляду на жизнь.

Творческие факельщики человечества в жизни часто были странными людьми, и из-за того, что они не придерживались правил, их, кроме того, часто не понимали и не признавали. Но мы должны предполагать, что их своеобразие соответствует некой таинственной закономерности. Но как, однако, мог бы какой-то демократически подотчетный народу политик когда-либо следовать за возможными личными движениями инстинкта и без специального поручения поддерживать каких-то сомнительных на взгляд обывателя людей! Ничто не характеризует трагичность демократической идеи так сильно, как та страшная насмешка, с которой Сократ в своей защитительной речи ходатайствовал о государственной пенсии для себя. У идеального демократического государства нет пространства для исключительных людей, так как управляющие его делами люди могут считаться только с непосредственно очевидными эффектами пользы, и это требует автоматизации, которая полезна тарифным классам немецкого профсоюза, но, видит Бог, вовсе не способствует немецкой духовной жизни.

Не только в Германии, но и во всем мире издавна короли, большие господа и частное богатство обычно образовывали питательную среду для славных творческих подвигов человечества, ибо только в меценатстве, подотчетном исключительно самому себе, исключительные люди находили тот приют, в котором они нуждались из-за своей односторонности. К этому относилась как контрастное явление и богема, в которой также индивидуалисты-аутсайдеры могли уклоняться от обязанности нормального существования. Обе возможности закрываются материалистическими нормированиями демократии.

На это можно возразить тем, что демократическая однородность никогда не должна стать столь преувеличенной, что в ней больше не будет никаких богатей, и что вместо этого функционеры с их последователями сделают себе образцом государство муравьев. Так как, тем не менее, народные правительства сравнительно исключительно дороги (согласованность сил остается гораздо бо-

лее недисциплинированной, чем в авторитарных государствах, государственные расходы на уступки публике гораздо выше, и число чиновников должно быть гораздо больше для компенсации недостающих внутренних движущих сил), неизбежно происходит так, что налоги становятся все обременительнее, и из-за такой перегрузки успешных людей принуждают к бесцеремонному, предотвращающему всякое настоящее меценатство нивелированию.

Характерное для демократии требование единообразия соответствует инстинкту мелкобуржуазного большинства, которое для защиты собственного чувства значимости не хочет терпеть ничего, что кажется им более аристократическим, более благородным, более возвышенным, лучшим, более тонким в духовном плане или более профессионально подготовленным, чем они сами. Это касается также инаковости художников, которые не соответствуют мещанским шаблонам. Правящий князь, такой как герцог Саксонии-Веймара, не видел ничего неприличного в том, что Гёте восемнадцать лет прожил в конкубинате, он даже предоставил дворянский титул его незаконнорожденному сыну и принял того на службу при своем дворе. В демократии критерии настолько жестки, что у Гёте очень настойчиво требовали бы доказательство того, почему он не оформил свои отношения официальным браком, чтобы писать стихотворения.

В Германии прирост посредственности – кроме как в симптомах искусства и сокращения интеллектуальных импульсов – еще не становится так сильно заметным, как в других псевдodemократических государствах, но причина этого состоит только в недолгом времени, прошедшем с момента разрушения старой имперской традиции. Вдохновение удивительно плодотворного прошлого еще немного бросает свой отсвет на современность, и еще много идей упорно ждут своего дальнейшего развития. Все же, как только эти импульсы будут истощены, мировоззрение мелкой буржуазии придет к единовластию, для которого Сократ был только глупцом, и в котором он был искоренен как выращенное ненавидимыми аристократами растение из болота злобной бесполезности.

43. В демократии сначала регулярно беспокоятся о том, чтобы продолжать заботиться об имеющихся культурных ценностях или чтобы даже прогрессивно дополнять их, но затем вскоре проявляется духовная бесплодность массовой души, и следуют беспомощность и пустота со страшными последствиями в виде дико разрастающихся сорняков.

Демократическая форма правления, которая по-социалистически сменяет либерализм конституционной монархии или республиканского патрициата, беспокоится о том, чтобы также со своей стороны доказать свою способность содей-

ствовать искусству и наукам, хотя для этого у нее уже отсутствуют все предпосылки. Она также делает это вовсе не из внутренней потребности, а лишь из страха перед обвинениями в духовной неполноценности, и так как полагают, что это принадлежит к понятию самовластия. Народ, в общем, не интересуется ни миром представлений фундаментальных научных исследований, ни проблематикой современного художественного творчества – для этого следовало бы однажды посмотреть частные квартиры депутатов немецкого Бундестага и ландтагов – но эта тема все равно принадлежит к обычным обязанностям государственного правительства. Разумеется, прежде нужно заменить чисто личное меценатство социальными обязанностями государства, не только потому, что меценаты эстетически и экономически обречены на вымирание, но и якобы для того, чтобы вместо односторонности частного произвола обеспечить социально уравнивающее распределение заказов. Чтобы искусство и науки особенно явно могли наслаждаться свободой, – прежде всего, сначала – приоритет отдают всем до сих пор якобы напрасно пренебрегаемым направлениям в искусстве, в какой-то мере как наглядное возмещение с указанием на прегрешения предшественников.

Как и во время перелома в 1918 году в России, также в Германии стали подчеркивать особое уважение к абстрактному и поэтому считающемуся ультрасовременным искусству, только из-за того, что оно раньше оставалось без большого резонанса. Но так как теперь демократические депутаты в большинстве своем ничего не хотели бы понимать в искусстве и судили о нем, в принципе, точно так же по-мещански, как Адольф Гитлер, но с другой стороны никогда не захотят в этом сознаться и также не хотят упустить удовольствие копировать королевское меценатство за счет государства, они попадают в зависимость от искусственных инсценировок и нашептываний.

В вопросах великой традиции искусства преуспевающие депутаты почти без исключения сделали бы постыдно очевидным свое весьма слабое понимание темы – если только они как раз не являлись находящимися на государственной службе искусствоведами, которые обычно относятся к современному искусству очень критически – и поэтому они радуются тому, что они могут представлять вещи, которые так же непонятны большинству других людей, как и им самим, так что доказательство их ошибочных оценок становится трудным.

По той же самой причине – т.е. с целью сокрытия фактической непригодности – много художников, скульпторов и архитекторов воспользовались полученными от мелкобуржуазных управляющих государственными средствами как удобной возможностью обеспечить себе кажущееся существование значительных аван-

гардистов, положение которых непосредственно зависит от степени их непонятности. Им тем легче делать это, потому что настоящие знатоки искусства, которые также в абстрактном искусстве умеют четко различать настоящее и фальшивое – причем не разумом, а с помощью выученной фиксации композиционного возбуждения чувств – тут едва ли могут продемонстрировать свое умение. Само собой разумеется, меценаты старого стиля также должны были считаться с ошибочными спекуляциями, но нет сомнений в том, что кто-то, кто вкладывает собственные деньги в художественные произведения, склонен проверять все гораздо более тщательно и к тому же накапливает больше добросовестного опыта, чем тот, кто просто управляет государственными средствами. Безобразие дилетантского государственного управления искусством тогда раньше или позже покорится принуждению приспособления к народному вкусу, как только ответственные депутаты сначала снова избавятся от своей запуганности и непринужденно вернуться в изменности популярного развлекательного искусства.

Это абсолютно безнадежное занятие – захотеть воспитать весь народ непосредственно наслаждаться искусством, и это губительное дело – совсем запугивать народ путем предпочтения абстрактных направлений в искусстве, так как он тогда только еще более упорно будет настаивать на привычной альтернативе смеха или плача.

44. Неправильно управляемое искусство вызывает душевное вырождение народа и увеличивает опасность превращения народа в массу.

Уже в кайзеровские времена до 1914 года деятельность государства в отношении предоставления заказов деятелям искусства влияла только в пользу посредственности. Последний император сам был в плену массового вкуса, и если только правящий князь или авторитетный консультант случайно не владел инстинктом переживания настоящих меценатов, то всюду в мире оказывалось необходимым надеяться лишь на способность к выбору со стороны частного богатства. Подавляющее большинство всех известных на Земле творческих гениев находили возможности своего развития под защитой частного меценатства, вплоть до новейшего времени.

За редкими исключениями решения большинства враждебны искусству, и поэтому никакое демократическое государство не может заменить произвол субъективного художественного инстинкта. Раньше такие неудачные попытки касались только посредственности, но сегодня они открывают все пути самому страшному дилетантству, шарлатанству и настоящему обману. Распространенные прежде картины с историческими сюжетами и пейзажами были хороши, по

крайней мере, в плане ремесленного умения художника, даже если их целью часто было театральное действие или репродуктивная подлинность природы в духе цветной фотографии. Они не могли нанести какой-либо вред, но сегодня авторитетные стражи культурных ценностей самым вредоносным образом обманывают самих себя и подобных себе о своих мнимых переживаниях искусства, и при этом ни малейшая предпосылка какого-нибудь ремесленного мастерства не уменьшает безудержность наглых претензий. Последствием этого является огромная пустота в области желаний народа, который не способен найти себе упоение в таких самообманах, и ввиду отсутствия приличного хотя бы в плане ремесленного мастерства искусства со знакомыми также ему выразительными средствами остается неудовлетворенным. Тем самым коммерческим спекулянтам, опирающимся на низменный массовый вкус, даны все шансы в руки.

Самая большая вина в растущем превращении людей в массу лежит на прегрешениях архитекторов, желающих быть современными. Они ищут не внутренние закономерности, а возможности сенсации, чтобы добиться известности и значения. Прежде архитекторы были вынуждены в здоровых рамках требований традиции, тесной связи с ландшафтом и достижения цели вырабатывать свою художественную свободу создания форм в тяжелой борьбе за оптимальные решения, но сегодня только немногие из добившихся общественного внимания архитекторов чувствуют в себе побуждение отказаться ради душевных мотивов от того, чтобы воспользоваться заказом чего-то необычного для целей пропаганды. Психоз «Однажды иначе» создал неприятный неомодерн, сильно навредивший народу, оставшемуся в плане стиля без руководства.

Наиболее губительными являются застройка поселений и городское планирование, которые стократно увеличивают количество единиц жилой площади и унифицируют демократического среднестатистического жителя, так сказать, в его доме. Прежде города и деревни с очень оживляющим воздействием состояли из домов, которые хоть и совпадали в стиле времени и стиле ландшафта, но никогда не повторялись по размеру, конструкции и в деталях. Сегодня стандартизованы не только конструктивные элементы, но и все дома и квартиры служат как массовый товар культивированию людей массы.

45. Ответственность за благополучие всех граждан, которой требует демократическое государство, разрушает этику ответственности отдельных людей за самих себя и благоприятствует человеческим слабостям.

Демократию придумывают и пропагандируют идеалисты. Тем не менее, созданные ими лозунги всеобщего и не знающего исключений благодетельствования

человечества сразу экспроприируются при конъюнктурных перспективах честолюбивых демагогов и политических дельцов и со злоупотреблением доверчивыми последователями применяются в практике личной борьбы за значимость и власть. Также в придворных сферах уверенных в себе правительств довольно регулярно возникали явления морального разложения, из мутной пены которых появлялись время от времени показательные примеры беспрепятственной корысти, но они лишь очень редко могли пережить полное разоблачение. В отличие от этого демократическое моральное разложение очень быстро превращается в постоянное учреждение, так как внутреннее противоречие между идеалистической демократической основной идеей и ее неизбежно эгоистичным материализмом обязательно приводит правительственную практику к внутренним противоречиям.

Устранение нужды и бедствий с древнейших времен относится к естественным обязанностям всякого государственного руководства, и вопреки ее утверждениям демократия здесь отнюдь не представляла собой какой-либо принципиальный прогресс. Напротив, она с помощью двух нечестных мотивов увеличила опасность чистого государства всеобщего благоденствия (где социальное обеспечение полностью лежит в руках государства). Так право на автоматическое социальное обеспечение было постепенно поставлено выше права на труд, и желающая результативно трудиться половина народа должна была взять на себя работу для второй половины, независимо от того, то ли эта вторая половина не способна работать из-за старости, то ли она больна, или же она на самом деле просто не хочет работать. Первый мотив – это предвыборная борьба с ее целенаправленными обещаниями, а второй – это демократический взгляд, согласно которому обязательства благодарности частной благотворительности являются позорными и поэтому их следовало бы сделать беспредметными с помощью требований к государству.

Преимущественно примитивная человеческая природа дает повод ожидать того, что многие граждане в быстро возрастающей степени отыскивают возможности, чтобы без малейших сомнений непристойно эксплуатировать благотворительные учреждения. Они вообще больше не задумываются над тем, что из-за того, что они сами не работают, увеличивается нагрузка на других их сограждан. То же самое огрубение душ начинается также и со стороны трудолюбивых людей, так как демократическое повышение налогов и требования государственного соцобеспечения освобождают их от любой ответственности перед их ближними. Также богатые люди – если честное богатство вообще еще возможно в последовательной демократии – со ссылкой на государство находят удобную и неопро-

вержимую отговорку, чтобы уклоняться от всех обязательств частной благотворительности.

Теоретически действительно следовало бы назвать идеальным положение, когда дряхлость и болезнь получают полностью действенную государственную защиту, и старикам и больным не приходится зависеть от случайности частной помощи других людей, но для этого вовсе не требуется общее демократическое огосударствление сочувствия. Кроме того, мотивы для помощи самому себе слишком легко пропадают, и даже если государство располагает достаточными средствами для задач тотального социального обеспечения, то ослабление человеческих отношений в личном дарении и благодарности является в духовном плане весьма вредным.

Далее невообразимо, что механика государственной системы помощи, которая не привязана ни к благодарности, ни к самокритике, даже при самой тщательной организации останется просителем без продолжительных конфликтов с возмущенными понятиями справедливости, и что не вполне ценные в психическом плане части народа с некоторыми основаниями не придут к убеждению, что их ущемляют в сравнении с бессовестными получателями помощи от государственных служб. Гигантская армия чиновников, занимающихся пособиями по безработице и социальным обеспечением, усиливает налоговое бремя на работающее население. С увеличением числа законов также возрастает возможность их обхода и эгоистичного использования, пока перегрузка трудолюбивых людей при первом же изменении конъюнктуры не приведет к обрушению государства.

46. Если в государстве отсутствует идеологическое связывающее средство надрациональной самоцели, то оно рассыпается на мелкие конструкции, такие как клики, группировки и союзы, которые развивают в себе губительное честолюбивое стремление без оглядки на государственные интересы.

Нельзя поверить в то, что последовательное отрицание массово-психологической человеческой природы с ее государственными потребностями в вере позволит вырастить самостоятельно мыслящих индивидуумов на месте неспособных мыслить получателей приказов. Если и можно говорить о каком-то индивидуализме в бесструктурно спланированных общностях, то это относится исключительно к увеличению личного эгоизма, и это представляет собой регресс, возврат к еще не знавшим государства ранним временам человечества. Так как инстинкт к соединению и к массово-психологическим интеллектуальным упрощениям еще сегодня очень силен, то он ввиду отсутствия патриотических исходных возможностей концентрируется на бесчисленных союзах, самых ма-

леньких общностях и профсоюзах, которые таким образом приобретают угрожающую государству важность. Их можно сравнить с раковыми опухолями, которые забирают слишком много необходимой государству энергии и в то же время своим гипертрофированным разрастанием препятствуют равновесию как духовного, так и материального государственного бюджета. Похожие явления происходят, если пропадает преобладание религиозного мировоззрения, так как народ только в самой незначительной своей части довольствуется философскими представлениями. Практический опыт учит тому, что за любую антирелигиозную пропаганду приходится платить немедленным всплеском самых примитивных суеверий и вредоносным увеличением мошеннической эксплуатации глубоко тонущего в неконтролируемых глупых верованиях народа.

47. Демократическое нивелирование все больше и больше предотвращает опирающуюся на уверенность в себе верность убеждениям, которая хотя еще и влачит скромное существование в самостоятельных предприятиях, но в случае больших концентраций силы давно заменяется на мандаты, которые ввиду их зависимости лишь редко обладают возможностью реализовать директорские убеждения в форме бескомпромиссно выполнимых решений.

Часто обвиняемая несправимость функционеров основывается на том обстоятельстве, что они «наружу» представляют общее мнение или мнение массы, и поэтому к ним вовсе нельзя обратиться как к самостоятельным личностям. Они, так сказать, профессионально не могут иметь своего собственного мнения, так как даже в случае личной объективности они принципиально должны отказываться делать соответствующие признания в дискуссиях. Никогда представитель рабочей организации не сможет признать точку зрения противника в каком-то споре, даже и в том случае, если окончательно однозначная констатация доказывается ему с математической логикой. Функционер союза работодателей подверг бы себя самым тяжелым упрекам в измене партийному делу, если бы он продемонстрировал объективность. Самое главное здесь не поиск истины, не правильный баланс преимуществ всех сторон, а только взвешивание соотношений сил с постоянным контактом со стоящими за спиной, чтобы удостовериться, не будет ли коллективный заказчик недоволен.

Для того хода мысли, из которого получают индивидуальные убеждения, у функционеров нет нужного органа, так как в противном случае они были бы непригодны именно как функционеры. Их язык – хотя они и не осознают этого – сформирован и ограничен психологией масс. Даже при частных разговорах с глазу на глаз у них уже часто проявляется привычка поучать громким голосом как на митингах. Если появляется какая-либо необычная или новая творческая

мысль, то они больше не слушают, так как их область обсуждения твердо определена и ограничена. Можно ли назвать их поведение в борьбе с профессиональными противниками приличным или коварным, клеветническим и дезориентирующим, это остается второстепенным, так как добро и зло имеет для них понятный смысл только относительно удовлетворения своих массово-психологических заказчиков.

Настоящие соперничающие заинтересованные лица, т.е. действующие предприниматели и настоящие рабочие, уже давно больше не доходят до прямого разговора, так как у них якобы нет для этого времени и подготовки. Поэтому их представляют адвокаты, которые не могут на своей шкуре почувствовать их настоящие интересы и не имеют права выражать свои личные убеждения, если они не хотят поставить под сомнение свое право на существование. В демократии бесполезно пытаться убеждать индивидуумов, и каждый политик с новыми идеями должен сначала выработать формулировки для массового мозга, чтобы через создание собственной партии открыть себе вход в деспотию функционеров.

48. Опасная для государства фантазия народовластия становится неоспоримой из-за анонимности ответственности.

Мы знаем первосвященника евреев и римского прокуратора, которые приговорили Христа к смерти через распятие на кресте, так как Иудея была авторитарно управляемым государством, в котором лишь редко действительно учитывалась воля народа. В отличие от этого никто не знает, кто именно был виновен в смерти Сократа, так как народные решения анонимны и поэтому всегда безответственны.

Если сегодня даже и труднее стало делать по закону смертные приговоры зависимыми от народных настроений, то все же не может быть никаких сомнений в том, что судьи и чиновники государственной судебной машины регулярно склонны приспосабливаться к практике господствующих в данное время властей, будь то деспот, который отвечает перед историей, будь то анонимная власть народа. Любая форма государственного правления находит для себя своего услужливого судью, так что вера в политически независимое правосудие не подтверждается практикой.

Тем не менее, есть очень большое различие в том, что нужно рассматривать как услужливое. Ведь понятно, что идея длительного постоянства в монархии дает также судьям силу, чтобы при случае противоречить мимолетным, поверхност-

ным интересам отдельного монарха, тогда как колебание правящих народных настроений делает неизбежной возросшую неуверенность судей.

До 1918 года в Германии был один считающийся ответственным император и равным образом лично ответственные государственные деятели, которые, по существу, действовали – хорошо или плохо – по своей совести и лучшему разумению. После 1918 года тоже существовали государственные деятели, но они, по общему мнению, могли лишь следовать изъявлениям воли народа, так что, прежде всего, из-за очень частой смены правительственных уполномоченных при демократическом правлении, ответственных за роковые неудачи с 1918 по 1933 года так и нельзя точно установить. В 1933 году Адольф Гитлер со своими партийными сторонниками пришел к власти. Их бесспорная ответственность была подтверждена в 1945 году смертью и тюрьмой, тогда как американские, английские и французские политики, которые содействовали национал-социалистической аванюре, при постоянном изменении состава парламентов вообще даже не подвергались опасности, что их могли бы привлечь к ответственности за их роковую игру с огнем; несмотря на то, что они этим косвенно нанесли тяжелые человеческие потери также своим собственным странам. Тип власти президента США образует определенное исключение; но было бы ошибочно выдавать его за характерный демократический принцип, так как его полномочия намного превышают полномочия любого нынешнего конституционного монарха.

49. Демократическая теория свободы ослабляет узы брака и уменьшает препятствия перед сексуальным вырождением.

В любом браке неизбежно и даже очень ценно для душевного оживления то, что возникают напряжения, которые у плодотворных людей, в крайнем случае, достигают границ их воли к существованию. Как иначе могли бы люди в своих отношениях спастись от утомления и бедности переживаний, или вследствие чего они могли бы сближаться для духовного углубления с целью облагораживания человека, если бы разнообразные болезненные связи не направляли внимание на счастье глубокого душевного взаимопроникновения.

Предпосылкой для этого являются мощные препятствия, не позволяющие легко и не задумываясь избегать трудностей брака, совместной жизни или обязательств перед государством с помощью чего-то вроде бегства. В здоровой государственной структуре эти препятствия состоят из буржуазных традиций, религиозных заповедей, государственных законов, а также идеальной уверенности в том, что через этические обязательства верности люди связываются с непо-

знанностью Вечного. Только эти авторитеты следует благодарить за то, что когда-то самая высокая доля находящихся под угрозой из-за конфликтов браков получали самое прекрасное вознаграждение: достижение счастья зрелого уравновешенного существования. И только так можно объяснить то, что у многих народов граждане как раз после катастрофических поражений упрямо стояли вместе вместо того, чтобы разбежаться по сторонам в поисках личных преимуществ.

Аргументы последовательной демократии не терпят романтики, а утверждают, что государственный интерес состоит лишь из среднего значения личных выгод и преимуществ. Религия – это личное дело человека. Этика считается, в конечном счете, философски не поддающейся объяснению проблемой. Буржуазные традиции обладают якобы лишь спорной ценностью нуждающихся в пересмотре традиций и обычаев, так что понятие какого-либо интеллектуального или духовного авторитета за исключением способности к достижению материальных прибылей остается предосудительным. Самый главный лозунг: свобода, наибольшая свобода и отсутствие каких-либо препятствий для каждого отдельного человека, при условии, что с этим мирятся соседи.

Вместе с этим разрушаются барьеры, которыми брак и государство были ограждены как священные сферы. С возрастающей демократизацией какой-либо страны число разводов в ней очень быстро увеличивается. Само собой разумеется, существуют настоящие причины развода, но в демократических странах это слишком облегчается супругам, так что они могут поддаваться любым перепадам настроения, не используя шансы больших продолжительных ценностей с помощью углубленной задумчивости.

Материализованный брак знает только лишь денежные договоры и удовлетворения сексуального инстинкта. Так как, прежде всего, удовлетворения инстинкта подчиняются закону насыщения, старое требование пожизненных супружеских соединений становится бессмысленным и несовместимым с демократическим правом на личное освобождение. Похоже обстоит дело с сексуальным вырождением, так что степень мировоззренческой демократизации той или другой страны можно узнать по тому, насколько далеко гомосексуализм и лесбиянство отваживаются высунуться из своего тайного убежища.

Конечно, невозможно полностью отказаться от разводов и искоренить различные сексуальные вырождения, тем более, что последняя проблема пробивается в сферы художественного переживания, так что так просто это решить нельзя. Но, в любом случае, сильные препятствия необходимы, и не только ради блага

отдельного человека, но и потому что иначе больным становится государство, от здоровья которого, в свою очередь, зависит жизнеспособность каждого индивидуума.

50. Демократический принцип освобождения от страха истолковывается индивидуалистической молодежной психикой – и в усиленном виде массовой психикой – как требование непочтительности. Эта непочтительность порождает характерные для всех демократических государств губительные трудности с воспитанием молодежи.

Также несомненно идеально-демократически задуманные первые конструктивные попытки русской революции характеризовались наглядными доказательствами свободы: лишением брака его святости и правом молодежи на самоопределение. Если Россия вообще еще могла надеяться на стабильную государственную структуру, то легковесную необдуманность современных представлений о браке нужно было снова очень скоро устранить. Затем одичавшая между тем молодежь настаивала на введении новых строгих мер воспитательного характера, так что, в конце концов, свободное самоопределение народа по сравнению с царскими временами стало скорее меньше, чем больше. Только с помощью очень строгого воспитания коммунистические функционеры смогли путем школьного образования за короткое время поднять очень многочисленный народ неграмотных в очень большой стране на хороший европейский уровень. Предпосылкой этого весьма значительного в сравнении с явно не очень интересующимся развитием народа царизмом прогресса, очевидно, был своевременный отход от неисполнимых идеально-демократических программ. То, что отдельные правительственные деятели в России стали жертвами типичных психозов власти, не должно умалять критику утопического понимания свободы.

Также в Германии после 1945 года значительно возросла распущенность молодежи, пусть даже если и не настолько стихийно, как в России после 1918 года, прежде всего, из-за того, что вначале сохранялось гораздо больше барьеров буржуазной традиции. Идеал последовательной демократии в Германии все еще очень далек от воплощения, но разлагающая сила унифицирующего бреда беспрерывно проникает все глубже в последние до сих пор еще непоколебленные духовные основания немецкой народной структуры.

Так снова медленно начинается характерное перетягивание каната между непродуманным подчеркиванием независимости молодежи и бессистемными авторитарными требованиями государственных воспитателей. К полицейской власти, кажется, еще пристают упреки из прошлого авторитарного времени, и ей едва

ли дают в руки достаточно средств поддержания власти, чтобы защитить граждан от буйствующих шалопаев. С другой стороны, часто слышны жалобы на злоупотребления и превышения власти со стороны полиции, и этот характеризующий духовную неуверенность контраст влияет также на органы школьного образования, которые во многом претендуют – вне сферы прав родителей – на полномочия определяющим образом руководить жизнью детей, но одновременно подчиняются очень необъективному политическому влиянию (со стороны партий, религиозных обществ и региональных общественных мнений). Дети – это дети, и напрасна вся надежда на то, что последствия безудержной распушенности когда-нибудь могли бы быть скомпенсированы каким-нибудь неестественно скороспелым благоразумием. Противоположные требования только тогда снова обретут свое равновесие, если будут достигнуты условия для неоспоримого уважения к идее общества в виде истинного государственного авторитета, и детям своевременно – так же, как и взрослым – убедительно и настойчиво – будут внушены отчетливо ощутимые барьеры.

Эти мысли не имеют никакого отношения к преступности – хотя, наверное, также здесь размягчение государственного авторитета может быть роковым – зато касаются многих близких к ней проблем, например, отсутствия дисциплины в уличном движении или неуверенности в отношениях между чиновниками и публикой и особенно с обеих сторон в конфликтах с налоговыми органами. Без страха совершить грех не сохранится сплоченность ни в одном государстве мира, пусть даже и не в духе вечного страха перед неизвестным как в тоталитарных государствах, а как подобие богобоязненности в форме священного уважения к самовольному понятию верховного господства государства, которое требует также послушания в принципиальных вещах, если подданные не в состоянии оценить необходимость без тщательной проверки. Несомненно, что продуктивные граждане государства чувствуют себя лучше всего, если они знают, что ими правит и их защищает судьбоносно неоспоримая и долгосрочная пронизательная и мудрая власть.

Как только у людей есть доверие к смыслу существования общности, и они могут быть уверены в государственной этике, естественные инстинкты делают большие уступки ограничениям личной свободы, которые тогда становятся неосязаемыми, чем-то вроде самоочевидности.

51. Понятие демократии обуславливается идеально задуманным устойчивым длительным состоянием, но в мире вообще не бывает состояния, а всегда есть только более или менее гармоничные эволюционные процессы.

Идея демократического государственного идеала считается в какой-то мере окончательной целью многотысячелетнего ряда предварительных ступеней, как будто бы в принципе можно было отныне и на все времена установить форму государственного правления. Такие иллюзии бывали часто, и история знает много примеров исчезновения считавшихся идеальными состояний и подобной смене времен года смены их другими по причине принуждения жизни. Если бы и имелась реализуемая сокровенная мечта, то она состояла бы в описании очень мирного движения от одной отжившей формы государственного правления к далекому – мы скажем демократическому – идеалу. Можно было бы назвать это также коммунистическим или патриархальным идеалом, так как любая идеализация практического опыта могла бы исполнить страстное желание человечества.

Однако можно быть уверенным в том, что каждая достигнутая ступень, будь то даже исполнение самых больших сокровенных мечтаний, однажды отживет свое и потребует продолжения. Если настоящее улучшение невообразимо, то природа принуждает к полной революции. Так и судьба людей длится до тех пор, пока они все вместе не утратят достаточно энергии, чтобы перейти в долгосрочный период усталости от жизни.

Умный государственный деятель – если такое существо когда-либо получит власть для реализации своих концепций – ищет такую форму правления, которая соответствует данной стадии развития его народа. Он должен знать, что обстоятельства у каждого народа разные, и он должен делать много оговорок, реализацию которых он разделяет на долгосрочные дозировки, так как даже маленькие передозировки вызывают опасность катастрофических неудач в стиле тоталитарной концентрации власти. Сталин и Гитлер – это два характерных примера обратного движения маятника массовой психики после слишком бурного прогресса. У людей все еще должно быть перед глазами множество желаний и целей, и опрометчивое, слишком быстрое их исполнение отнюдь не идет людям на пользу. Поэтому все революции не смогли добиться каких-либо немедленных успехов.

52. Ни одна демократия не в состоянии решить проблему отбора наилучших, пусть даже только в минимальном требовании сохранения государства.

Короли и все по-королевски уверенные в себе государственные руководители имеют понятный интерес к тому, чтобы заполучить как можно больше толковых и трудолюбивых сотрудников. Зависимые от выборов или подчиненно уполномоченные демократические правительственные органы буквально боятся лю-

дей, которые своими особенными способностями выделяются из аморфной народной массы, так как они – их естественные конкуренты.

Короли и по-королевски уверенные в себе государственные руководители даже в случае самых больших политических талантов, отобранных ими, никогда не приходят к мысли, что те могли бы стать для них опасными как конкуренты. Их «фундамент» – это не столько профессиональные способности и достижения – для этого им служат специальные советники – а скорее мистическое соответствие их личного эгоизма с коллективным эгоизмом государства, из чего следует их инстинкт к общему благу целого, их способность душевного соединения всех граждан и естественные формы символического исполнения ими своей профессии. Этот уровень был недостижим даже для самых честолюбивых карьеристов.

В демократии поэтому предприимчивые люди регулярно оттесняются в частное хозяйство, так как даже большой государственный идеализм ослабевает от обычного коварного сопротивления и от бесперспективности надежно закрепить свое политическое существование.

Но также и в частном хозяйстве происходит так, что первопроходцы демократии, организации работников и политические администраторы налоговых тисков прилагают все силы, чтобы сузить или вовсе устранить все естественные предпосылки честных производственных успехов. Последствием этой претензии посредственности на господство для особенно энергичных и поэтому, собственно, особенно ценных для государства талантов является искушение заняться нечестными делами или экстерриториально присоединиться к той международной общине, которая ведет выгодный образ жизни освобожденного от налогов космополитизма.

Если демократия не попадет в бесчувственные руки денежных властей и незаметно вырождается в плутократию, которая правит при помощи оплаченных предвыборных кампаний и лоббистов; если она не утонет в существовании строго регулируемого функционерами муравьиного государства; если она не станет добычей демагога, который под прикрытием слов о благополучии народа упивается кровавым насилием, то она все равно неизбежно погибнет из-за самоубийственного изуродования и порчи всех действительно талантливых и трудолюбивых элементов.

53. Последовательно демократическое мировоззрение всегда может быть только привилегией самостоятельно мыслящих людей, и из-за их маленького числа

настоящий демократический прогресс может быть достигнут только внешне недемократическим предоставлением привилегий в уважении народа.

Правдоподобие подчеркнутого демократического мировоззрения требует настолько большой независимости, что также отличающееся решение должно оставаться спорным. Если монархи в старые времена приносили для своего народа большие жертвы в трудах и отречениях, то это уже хотя бы потому означает надежное доказательство признания народного суверенитета и их по истине демократического образа мыслей, что они делали это добровольно.

Утверждение Фридриха II о том, что король обязан чувствовать себя первым слугой государства, не было пустой фразой в сферах мысли всех значительных суверенов, так как они были убеждены, что будут обязаны отчитываться перед Богом или перед мировой историей и этосом творения об исполнении ими их земной миссии. Этот факт доказывают нам многие образцовые властители, и даже тяжело найти хорошие примеры роковых исключений. В отличие от этого демагоги обычно без долгих раздумий позволяют ставшему послушным им народу истекать кровью под девизом демократического благодетельствования человечества ради их личных мечтаний о власти.

Если у несомненно самостоятельно мыслящих людей вопреки бесспорным умственным и физическим грациям среди людей есть потребность служить общности и, по меньшей мере, во внешних формах демонстрировать свое уважение всем членам общества, то это нужно оценивать выше, чем употребление демократических лозунгов. Словами «равенство» и «братство» так часто злоупотребляли, что они стали пустыми и неубедительными, так как люди никогда не могут внутренне сблизиться больше, чем это издавна было возможно. Но они могут стать одинаковыми в одежде, языковой культуре, манерах, а также в школьном образовании, так что провокации устаревших сословных предрассудков утрачивают силу.

Как только, тем не менее, некий среднестатистический житель хвастается, что является демократом, то он из-за как раз для него связанного с задуманным новым порядком повышения его статуса может этим предъявить только доказательство своего бездумного эгоизма.

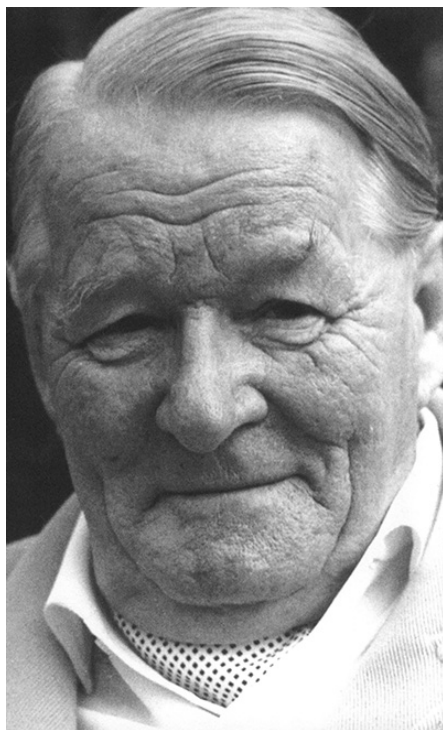
Понятно, что якобы идеальное мировоззрение с ожидаемыми очень выгодными для некоторых личностей сопутствующими обстоятельствами не предвещает прочности и не позволяет ожидать появления хоть какой-то надежной этической основы. Но так как большинство людей не могут мыслить самостоятельно, то после принятия решений большинством голосов государственные интересы

должны были бы оставаться ограниченными лишь материальными задачами, и, кроме того, они не могут включать в себя истинно демократическую этику в более высоком смысле народного всеобщего блага.

Непрерывный прогресс в направлении эволюционно-теоретически далекой цели идеальной демократии можно ожидать только в том случае, если до сих пор все еще маленькое число самостоятельно мыслящих идеалистов возрастет и приобретет авторитетное влияние на этическое насыщение народа.

Об авторе: Ганс Домицлафф – одно из великих исключительных явлений прошлого столетия. Выучившись на художника, он отказался запрыгивать на поезд духа времени – т.е. присоединяться к школе абстрактного искусства. После этого Ганс Домицлафф развился в личность, создающую стиль. Он был живописцем, писателем, художником-декоратором и режиссером; дизайнером и специалистом по прикладной графике; любителем парусного спорта и капитаном; математиком, конструктором кораблей и архитектором; социальным философом, политологом и психологом, изучающим психологию масс; путешественником, астрономом и защитником природы; предпринимателем и специалистом по рекламе: Ганс Домицлафф – это изобретатель брендинговой техники.

Наиболее значимым в биографии Ганса Домицлаффа было его произведение «Brevier für Könige» («Молитвенник для королей») – краткий учебник массовой психологии, который он написал в 1932 году для бывшего католического рейхсканцлера доктора Генриха Брюнинга. Тогда – в момент самого глубокого кризиса Веймарской эпохи – Домицлафф хотел дать Генриху Брюнингу оружие для буржуазной альтернативы приходу к власти национал-социализма. Брюнинг не схватился за этот шанс спасения Германии. Он отошел в сторону. Подобным же образом оказались несостоятельными представители и остальных политических партий и течений. Ни одна из позже вытесненных Гитлером формаций не была тогда готова взять в свои руки политический штурвал.



Ганс Домицлафф

9 мая 1892 – 5 сентября 1971

<http://www.hans-domizlaff-archiv.de/>

На русский язык была переведена только одна книга Ганса Домицлаффа:
[«Завоевание общественного доверия. Учебник по маркетинговой технике»](#).

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»



Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).